

Сэй был плоть от плоти третьего сословия, того французского буржуазного третьего сословия, которое совершило революцию, потом испуганно отшатнулось от нее, кинулось в объятия генерала Бонапарта и отсеклось от императора Наполеона, когда он не оправдал надежд буржуазии. Личная судьба Сэя отражает этот исторический и классовый поворот позиций французской буржуазии.

Сэй с его культом трезвого рассудка и коммерческого расчета был точно создан для этой эпохи, когда буржуазия консолидировала свои позиции. Он начал читать публичные лекции по политической экономии, а в 1819 г. получил кафедру «промышленной экономии» в Национальной консерватории искусств и ремесел. Лекции Сэя были весьма популярны. Как и в своих сочинениях, он упрощал проблемы политической экономии, сводя их до уровня обывательского рассудка. Искусный систематизатор и популяризатор, он создавал у слушателей иллюзию ясности и доступности. Политическая экономия прежде всего Сэю обязана тем, что в 20-х годах она была во Франции почти так же популярна, как и в Англии. Сочинения Сэя переводились на многие языки, в том числе на русский. Он был иностранным членом Петербургской академии наук.

В 1828-1830 гг. Сэй издал 6-томный «Полный курс практической политической экономии», в котором, однако, не давал ничего теоретически нового по сравнению с «Трактатом». Он занял специально созданную для него кафедру политической экономии в Коллеж де Франс. Сэй умер в Париже в ноябре 1832 г.

Сэй последних десятилетий мало симпатичен. Купаясь в лучах славы, он, по существу, прекратил всякие научные поиски и только без конца повторял свои старые идеи. В печатных выступлениях он отличался нескромностью и бахвальством, в полемике применял недобросовестные приемы и грубый тон.

Для марксистов Сэй прежде всего основатель вульгарной политической экономии XIX в. Используя слабые стороны Смита и в прямой полемике с Рикардо, он заменил их стремление к глубокому анализу коренных закономерностей капитализма скольжением по поверхности экономических явлений. Тем не менее (а в известном смысле именно поэтому) Сэй занимает важное место в истории буржуазной науки. Сэй был первым, кто в ясной форме высказал мысль о равноправном соучастии факторов производства — труда, капитала и земли — в создании стоимости продукта. После того как эта идея была развита в работах многих авторов, экономистам 70—90-х годов оставалось только создать единую теорию в отношении принципов, на основе которых оплачиваются «услуги» каждого фактора. Таким образом, Сэй является родоначальником буржуазно-апологетической теории распределения.

Факторы производства и доходы

Труд — заработная плата, капитал — прибыль, земля — рента. Вспомним еще раз эту триаду, или триединую формулу, которая играет в буржуазной политической экономии такую важную роль.

Теория факторов производства Сэя была попыткой ответить на основной вопрос, разрешения которого мучительно искали и Смит и Рикардо. С развитием капитализма производство материальных благ все больше ведется с применением средств производства, принадлежащих особому общественному классу. Следовательно, стоимость товаров должна каким-то образом содержать в себе элемент, приходящийся на долю класса капиталистов. Как возникает эта доля и чем она определяется?

Для Смита и Рикардо (как мы видели, и для рикардianцев вплоть до младшего Милля) это была одновременно проблема стоимости и распределения. У Сэя дело обстоит гораздо проще. По существу, теория распределения у него отделена от теории стоимости, причем последняя его вообще мало интересует. От процесса производства остается в результате лишь одна сторона — создание полезностей, потребительных стоимостей. При такой постановке вопроса действительно очевидно, что для всякого производства необходимо соединение природных ресурсов, средств и орудий труда, рабочей силы, или, иначе говоря, земли, капитала и труда. На эту очевидность и напирал Сэй.

Следует возразить, что это общая черта всякого процесса производства и поэтому она не может объяснить специфику капиталистического производства. Но такое возражение не могло даже прийти в голову Сэю, так как для него капиталистический способ производства был еще больше, чем для Смита, единственно мыслимым, вечным и идеальным. Существование капиталистов и землевладельцев казалось ему своего рода законом природы, вроде восхода и захода солнца.

В теории Сэя прибыль предстает как естественное порождение капитала, а рента — как естественное порождение земли. И то и другое совершенно независимо от общественного строя, от классовой структуры, от формы собственности. Капитал приносит прибыль, как яблоня — яблоки, а смородинный куст — ягоды смородины.

Эта концепция в корне противоположна трудовой теории стоимости и теории прибавочной стоимости. Она отрицает эксплуатацию рабочих капиталистами и землевладельцами и изображает экономический процесс как гармоническое сотрудничество равноправных факторов производства. Главное сочинение Фредерика Бастиа, получившего из всех последователей Сэя наибольшую известность, так и называлось: «Экономические гармонии». Вот почему для Маркса, как уже говорилось, теория факторов производства была важнейшим воплощением вульгарной политической экономии.

Теория факторов производства в том виде, в каком ее излагали Сэй и его ученики, даже в буржуазной науке заслужила репутацию чрезмерно упрощенной и поверхностной. Шарль Жид, известный французский историк экономической мысли, писал, что «необходимость ясности в изложении иногда понуждала его (Сэя.— *А. А.*) скользить по поверхности важных проблем вместо того, чтобы проникать вглубь их. В его руках политическая экономия часто становится слишком простой. Некоторые трудности он заволакивает чисто словесным разрешением. Неясность Смита часто плодотворна для ума, а ясность Сэя не дает ему никакого стимула».

Действительно, ответы, которые давал Сэй на коренные вопросы экономической науки своего времени, в большой мере были уходом от этих вопросов. Как образуется стоимость и чем в конечном счете определяются цены товаров? Как складываются пропорции распределения созданной стоимости — доходы, приходящиеся на долю каждого из факторов производства? Сэй и его ученики не могли, по существу, ничего сказать об этом. Они отделялись банальностями, общими местами.

В своих сочинениях Сэй рассматривал в отдельности каждый вид дохода, но интерес представляет лишь его трактовка прибыли. Как мы уже знаем, прибыль распадается на ссудный процент и предпринимательский доход. Первый присваивается капиталистом как собственником капитала, второй — капиталистом как руководителем предприятия. Для Сэя предпринимательский доход не просто род заработной платы, которую мог бы получать и наемный управляющий. Это — вознаграждение за особую и

очень важную общественную функцию, суть которой — рациональное соединение трех факторов производства. Доходы предпринимателя, писал Сэй,— это «вознаграждение за его промышленные способности, за его таланты, деятельность, дух порядка и руководство».

Объяснение предпринимательского дохода организующей ролью предпринимателя было подхвачено Маршаллом. Шумпетер использовал другой мотив Сэя — роль предпринимателя как новатора, носителя технического прогресса. Наконец, американец Найт писал, что предприниматель несет «бремя неопределенности», или, проще говоря, риска, за что должен быть особо вознагражден; намек на это также есть у Сэя.

Проблема соединения элементов природы, овеществленного и живого труда в процессе производства существует и независимо от той апологетической трактовки, которую ей давала «школа Сэя» и дает современная буржуазная политическая экономия. Это не только социальная, но и важнейшая технико-экономическая проблема.

Данной цели, скажем увеличения сбора пшеницы на 50%, можно достичь разными путями: расширением посевных площадей или увеличением прилагаемого труда и материальных затрат (капитала) на тех же площадях, приложением дополнительного капитала при данном количестве труда или добавлением труда. Конечно, в реальной жизни задача будет решаться путем комбинации прироста элементов (факторов). Но в каких пропорциях их лучше комбинировать? Как следует учесть конкретное положение в данной стране или районе, в особенности степень дефицитности каждого вида ресурсов? Если есть большие свободные площади — одно дело. Если их нет, но есть масса незанятых рабочих рук — другое. И так далее. Ясно, что все это важные вопросы, которые ставит жизнь перед экономической наукой. Они могут вставать как в масштабе отдельного предприятия (в микроэкономическом плане), так и в масштабе страны (в макроэкономическом плане).

Национальный доход или общественный продукт страны можно рассматривать как массу производимых за год потребительных стоимостей. Денежная оценка этих величин представляет собой способ измерения единой мерой физического объема всей этой бесконечно многообразной совокупности: цемента и штанов, автомобилей и сахара... Изменения их отражают прирост физического объема продукции, т. е. прирост богатства, благосостояния. При такой трактовке вполне обоснован вопрос о доле национального дохода (или продукта), приходящейся на каждый из факторов, участвующих в производстве, и о доле прироста этих величин, даваемой приростом каждого из факторов. Исследование функциональных зависимостей между затратами факторов (в социалистической экономике — основных и оборотных фондов и живого труда) имеет важное значение для повышения эффективности народного хозяйства. Конечно, предположения о независимости каждого из факторов в создании продукции (рассматриваемой как сумма потребительных стоимостей), о делимости этих факторов и т. д. являются упрощенными допущениями. Но, помня об этих допущениях и учитывая ограничения, налагаемые на анализ действительными условиями, мы можем с определенным эффектом использовать «факторный» анализ производства. Одним из методов этого анализа, широко применяемым в настоящее время, является метод производственных функций. В общем виде можно считать, что объем производства (данного товара или ряда товаров, на данном предприятии или в данной стране и т. д.) является функцией ряда переменных, число которых может быть как угодно велико. В математических символах это можно записать:

где Y — продукция, $x_1, x_2 \dots x_n$ — различные факторы, например численность рабочих, уровень их квалификации, число станков, качество сырья и т. д.

Было предложено множество видов этой функции с различной комбинацией аргументов. Наиболее известной является функция Кобба — Дугласа, названная так по имени американских ученых 20-х годов, и имеющая вид:

Здесь предполагается, что объем производства определяется двумя факторами: K (количеством капитала, т. е. используемых средств производства) и L (количеством труда). Степенные показатели α и β показывают, на сколько процентов увеличится продукция, если увеличить на 1% соответственно количество капитала и труда, каждый раз оставляя количество другого фактора фиксированным. Величина A есть коэффициент пропорциональности; ее можно трактовать также как величину, учитывающую все качественные, не выражающиеся в количествах капитала и труда, факторы производства.

Многие ученые пытались развить и усовершенствовать функцию Кобба — Дугласа, ввести в нее динамические элементы, особенно технический прогресс. В частности, в этой области важное значение имели работы голландца Я. Тинбергена, ставшего в 1969 г. первым лауреатом Нобелевской премии по экономике. Имеются статистико-математические исследования, авторы которых дают более или менее правдоподобные оценки количественной доли основных факторов (в том числе фактора «технический прогресс») в росте продукции.

«Закон Сэя»

Мы уже несколько раз сталкивались с «законом рынков» Сэя, или, попросту, с «законом Сэя». Проблема реализации и кризисов, которой он касается, играет огромную роль в развитии капитализма и политической экономии. История «закона Сэя» слегка напоминает историю «закона народонаселения» Мальтуса. В первом издании «Трактата» (1803 г.) Сэй написал четыре странички о сбыте. На них в очень нечеткой форме была изложена мысль, что общее перепроизводство товаров в хозяйстве и экономические кризисы в принципе невозможны. Всякое производство само порождает доходы, на которые обязательно покупаются товары соответствующей стоимости. Совокупный спрос в экономике всегда равен совокупному предложению. Могут возникать лишь частичные диспропорции: одного товара производится слишком много, другого — слишком мало. Но это выправляется без всеобщего кризиса. Подобно основной идее Мальтуса, это простое положение отличается внешним подобием самоочевидности. Но с другой стороны, бросается в глаза его непомерная абстрактность, делающая мысль Сэя, по существу, бессодержательной.

Скоро вокруг «закона Сэя» (тогда он еще не носил этого громкого названия) развернулась бурная дискуссия. В ней приняли участие крупнейшие ученые-экономисты той эпохи, в том числе Рикардо, Сисмонди, Мальтус и Джеймс Милль. Защищая и обосновывая свою идею, Сэй с каждым новым изданием «Трактата» раздувал изложение «закона», Однако так и не придав ему сколько-нибудь четкой формы.

В наше время дискуссия о «законе Сэя» в западной науке — это в

основном дискуссия между сторонниками так называемого неоклассического и кейнсианского направлений в политической экономии. Первые, даже если они не ссылаются на «закон», фактически стоят на позициях, в общем и целом восходящих к Сэю. Они говорят, что через гибкость цен, заработной платы и других основных элементов экономика может стихийно, автоматически избегать серьезных кризисов. Поэтому они обычно выступают против большого вмешательства буржуазного государства в экономику. В смысле взглядов на экономическую политику неоклассическое направление часто склоняется, таким образом, к «неолиберализму».

Напротив, Кейнс и его последователи указывают на неизбежность кризисов в свободно развивающейся капиталистической экономике и критикуют «закон Сэя». Кейнс писал, что приверженность профессиональных экономистов к этому «закону», который опровергается жизнью, привела к тому, что со стороны рядового человека «стало заметно все меньше и меньше склонности относиться к экономистам с тем же уважением, как к другим группам ученых, у которых теоретические выводы, когда их применяют на практике, согласуются с наблюдениями». Кейн-сианское направление выступает за широкое вмешательство государства в экономику.

Некоторые ученые пытаются примирить оба эти направления, взяв из каждого определенные элементы. В этом, в частности, состоит суть «неоклассического синтеза» Самуэльсона, учебник которого, изданный в русском переводе, упоминался выше.

В рассматриваемую эпоху, т. е. в первой половине XIX в., «закон Сэя» — или то, что под ним понимали тогдашние экономисты, — сыграл двоякую роль. С одной стороны, он отражал свойственную «школе Сэя» веру в предустановленную гармонию буржуазного общества и хозяйства. Эта школа не видела или не хотела видеть противоречий, неизбежно ведущих к кризисам перепроизводства. «Закон Сэя» подразумевает, что товары производятся непосредственно ради удовлетворения потребностей людей и обмениваются при совершенно пассивной роли денег в этом обмене. Это бесконечно далеко от действительности. Но в «законе Сэя» была и прогрессивная для своего времени сторона. Он был направлен против тезиса Сисмонди о невозможности поступательного развития капитализма. В нем, хотя и в очень неточной форме, выражался тезис, что капитализм в ходе своего развития сам создает себе рынок и в принципе не нуждается для разрешения проблемы реализации в пресловутых «третьих лицах» Мальтуса и Сисмонди. Используя аргументы Сэя, буржуазия выдвигала прогрессивные требования сокращения бюрократического государственного аппарата, свободы предпринимательства и торговли. Все это отчасти объясняет и то, почему Рикардо принял теорию рынков Сэя.

Курно: жизнь и деятельность

Многие экономические явления и процессы носят по самой своей природе количественный характер. Даже если какие-либо величины в экономике невозможно или, нецелесообразно измерять, мы обычно можем по крайней мере что-то сказать о них по принципу «меньше — больше». Между экономическими величинами существуют количественные связи: если изменяется одна из них, то по какому-то закону изменяется другая или другие, связанные с первой. Скажем, если повышается цена на данный товар, то, вернее всего, снизится в какой-то мере спрос на него. Характер этой зависимости, вероятно, может быть описан какой-то функцией. Приблизительно такие соображения заставили некоторых мыслящих людей уже в XVIII в. задуматься над вопросом, не следует ли применить математику

для изучения экономических явлений. И такие попытки делались. Однако лишь после Рикардо развитие теоретической экономики вплотную подвело к математической формализации некоторых коренных проблем этой науки.

Первым ученым, который сознательно и последовательно применил математические методы в экономическом исследовании, был француз Антуан Огюстен Курно. Произведение Курно, принесшее ему впоследствии славу, вышло в 1838 г. и называлось «Исследование математических принципов теории богатства». Поскольку оно не вызвало при его жизни почти никакого интереса, в литературе по истории экономической мысли сложилось представление, что Курно был талантливым неудачником, «мучеником науки». Это не совсем верно. Курно прожил спокойную и обеспеченную жизнь профессора высшей школы и администратора учебных заведений. Он был автором ряда математических сочинений, имевших в свое время успех. Курно находился в хороших отношениях со всеми режимами, сменявшими друг друга во Франции на протяжении его долгой жизни, и занимал видное место в официальной науке и на государственной службе.

Но вместе с тем верно то, что Курно болезненно ощущал непризнание его научных заслуг в гораздо более глубоком смысле. Он пытался найти с помощью математики и философии какой-то синтез естественных и общественных наук. Его сочинения последних двух десятилетий жизни посвящены в основном философии естествознания. Не применяя формул, Курно попытался также в двух работах 60-х и 70-х годов вернуться к экономической науке, но и они не привлекли внимания публики. Эти работы Курно не имеют оригинальности его первой книги и, в отличие от нее, так навсегда и остались пылиться на библиотечных полках. Они никогда не переиздавались. Биограф Курно пишет: «Имеется явный контраст между его блестящей служебной карьерой и совершенно недостаточным признанием его при жизни как ученого... Печально и гордо говорит он в своих записках, что какой бы малый сбыт ни находили его сочинения, особенно во Франции, они все же содержали более или менее новые идеи, способные больше, чем ранее, осветить общую систему наук».

Курно родился в 1801 г. в маленьком городке Грe (в Восточной Франции) в состоятельной мелкобуржуазной семье, среди членов которой были хорошо образованные люди. Дед его был нотариусом и оказал на воспитание мальчика большое влияние. Курно был необычайно тихим и усидчивым ребенком, склонным к чтению и размышлению. Возможно, этому способствовала рано развившаяся сильная степень близорукости. До 15 лет он учился в школе, затем около четырех лет жил дома, занимаясь чтением и самообразованием, и некоторое время посещал коллеж в Безансоне. В 1821 г. он поступил на естественное отделение Высшей нормальной школы в Париже, где его увлечение математикой проявилось в полной мере. Однако вскоре школа была временно закрыта правительством по причине антироялистских настроений студентов, и Курно, несмотря на свою аполитичность, попал на некоторое время: в числе других студентов под надзор полиции.

С 1823 по 1833 г. Курно жил в семье маршала Сен-Сира как воспитатель его сына и секретарь маршала, писавшего мемуары о временах Империи. Все эти годы Курно много занимался науками, посещал лекции в разных учебных заведениях, опубликовал несколько статей. В 1829 г. он получил от Парижского университета докторскую степень за работу по математике. Он сблизился со многими видными учеными, особенно с математиком Пуассоном, который считал Курно одним из своих талантливейших учеников и до конца жизни покровительствовал ему. Бла-

годаря протекции Пуассона Курно получил место профессора в Лионе и начал там преподавать высшую математику. Через год он был переведен ректором академии (университета) в Гренобль, где проявил себя дельным администратором. В 1838 г. он получил еще более высокий пост в системе народного образования, став генеральным инспектором учебных заведений. В начале 40-х годов вышли в свет и главные математические труды Курно.

Для биографов представляет своего рода загадку, каким образом среди этих многообразных трудов и, по внешней видимости, совершенно неожиданно появилось на свет экономическое сочинение Курно. Не обнаружено никаких признаков того, что до этого он проявлял интерес к политической экономии. Надо, однако, иметь в виду, что Курно был человеком энциклопедического ума и широких интересов. Очевидно, в круг его чтения входили весьма популярные в то время труды Сэя. Возможно, через Сэя он ознакомился с произведениями Смита и Рикардо. К этому надо прибавить здравый смысл и своего рода экономическую интуицию, которые очень ощущаются в книге Курно. Неудовлетворенный неточностью, зыбкостью, бездоказательностью положений экономической науки, он попытался применить к ней строгую логику и математические методы. Увлечшись этим новым для него и для экономической науки делом, Курно, человек весьма систематический, даже педантичный, довел его до такой стадии, когда счел возможным опубликовать. Он, видимо, рассчитывал, что его книга привлечет внимание и подтолкнет мысль других исследователей. Здесь его ждало разочарование.

Успешная служебная карьера Курно продолжалась до 1862 г. В период Второй республики (1848—1851 гг.) он был членом комиссии по высшему образованию, при Второй империи — членом имперского совета по народному образованию. Восемь лет он был ректором университета в Дижоне, где заслужил своей принципиальностью и широтой взглядов уважение студентов и профессоров. Из области чистой и прикладной математики его научные интересы в эти годы переместились в основном в сферу философии. Выйдя в отставку, Курно поселился в Париже и до конца своих дней, вел педантично размеренную жизнь: вставал и ложился всегда в одно время и первую половину дня неизменно отдавал работе. На первый взгляд он казался человеком строгим и суровым. Но с друзьями и хорошими знакомыми был общителен и разговорчив, не лишен юмора. Курно умер в Париже в 1877 г.

Вклад Курно

Очень любопытно, к какому читателю обращался Курно со своей экономико-математической книгой. Он опасался, что она может показаться слишком сложной для обычных читателей и в то же время не привлечет внимания профессиональных математиков. Курно писал, однако, что «имеется большой класс людей... которые, получив основательную математическую подготовку, занялись затем теми науками, которые особенно интересуют общество (имеются в виду, очевидно, техника и естественные науки.— А. А.). Теории богатства общества должны привлечь их внимание. Но, рассматривая эти теории, они наверняка почувствуют, как почувствовал я, необходимость с помощью известных им символов сделать определенным и точным тот анализ, который является обычно неопределенным и часто темным у авторов, считающих достаточным ограничиваться возможностями обычного языка».

Курно был, возможно, первым из характерного для последующей эпохи

типа математиков, инженеров, ученых-естествоиспытателей, которые, увлекшись своеобразными и острыми проблемами общественных наук, пытаются применить к ним точный язык математики. Как многие математики после него, он брал в основном экономическую пауку и ее задачи такими, какими находил их в существующей литературе. Особенность Курно заключается вместе с тем в том, что он, стремясь преодолеть догматизм и ограниченность преобладавших школ, сохранял к основным проблемам, особенно к проблеме стоимости, объективный и социальный подход. Это отличает его от экономистов-математиков второй половины XIX в., для которых характерен субъективно-психологический подход. Курно, например, с порога отверг робинзонаду и построил свою теорию для общества с развитым товарным производством и обменом.

В своей работе Курно исследовал, в сущности, один большой вопрос: о взаимозависимости цены товара и спроса на него при различных рыночных ситуациях, т. е. при различной расстановке сил покупателей и продавцов. Тем самым он проявил верное чутье в отношении характера и пределов применения математики в экономическом исследовании. Он не претендовал на разработку с помощью математики принципиальных социально-экономических вопросов, ограничившись задачей, условия которой были более или менее пригодны для математической формализации.

Занимаясь вопросом о соотношении спроса и цены, Курно прежде всего фактически ввел в науку важное понятие *эластичности спроса*. Как уже сказано, обыденный опыт говорит, что при повышении цены данного товара спрос на него уменьшается, при снижении цены спрос увеличивается. Этот «закон спроса» Курно, обозначив спрос через D , а цену через p , записал в виде функции $D = F(p)$.

Курно отметил, что для разных товаров эта зависимость различна. Спрос может значительно меняться при относительно небольшом изменении цен, — это случай высокой эластичности спроса. И наоборот, спрос может мало реагировать на изменение цены, — это случай низкой эластичности спроса. Курно отмечал, что последнее относится, как это ни странно, и к некоторым предметам роскоши, и к предметам самой первой необходимости. Например, цена скрипки или астрономического телескопа может упасть вдвое, но едва ли это заметно повысит спрос: он ограничивается узким кругом любителей, для которых цена не главное. С другой стороны, цена на дрова может повыситься вдвое, но спрос сократится в гораздо меньшей степени, так как люди готовы скорее урезать другие расходы, чем жить в неотапливаемых домах. Таким образом, функция спроса может иметь различный вид и, следовательно, изображаться разными кривыми. Менее очевидное, но математически важнейшее предположение Курно состоит в том, что эта функция непрерывна, т. е. что любому бесконечно малому изменению цены соответствует бесконечно малое изменение спроса. Не без основания он полагает, что экономически этот принцип осуществляется тем полнее, чем «шире рынок, чем больше возможных комбинаций потребностей, состояний и даже капризов среди потребителей». Непрерывность функции означает, что ее можно дифференцировать, и открывает возможность применения дифференциального и интегрального исчисления к анализу спроса.

Валовая выручка за известное количество данного товара может быть, исходя из приведенных выше обозначений, записана как произведение pD или $pF(p)$. Курно дифференцирует эту функцию и ищет ее максимум, исходя из того предположения, что всякий товаропроизводитель, являясь «экономическим человеком», стремится максимизировать свой доход. Отсюда путем простейших преобразований Курно находит цену,

соответствующую максимуму валовой выручки (дохода).

Эта цена зависит от вида функции спроса, т. е. от характера его эластичности. Очевидно также, что не самая высокая цена дает максимум выручки, а какая-то конкретная цена, к которой продавец стремится приблизиться путем проб и ошибок. Курно начинает анализ с простейшего, по его мнению, случая — естественной монополии. Предположим, говорит он, некто является владельцем источника уникальной по своим свойствам минеральной воды. Какую цену на эту воду должен установить владелец, чтобы обеспечить максимум дохода? Попытавшись ответить на такой вопрос, Курно переходит к более сложным случаям, вводя дополнительные факторы (издержки производства, конкуренцию, другие ограничения).

Он рассматривает случаи дуополии (два конкурирующих монополиста), ограниченного числа конкурентов и, наконец, свободной конкуренции. Таким образом, модель Курно строится в обратном отношении к действительному историческому процессу развития в XIX в. — от свободной конкуренции к монополии.

Весь анализ основывается на использовании единого метода — на определении экстремальных значений функций спроса, принимающих различный вид в зависимости от рыночной ситуации. Математическая строгость и логичность этого исследования производит сильное впечатление. Работа Курно резко отличается от современных ему произведений видных представителей буржуазной экономической мысли. Язык Курно был для них совершенно незнакомым иностранным языком. Не удивительно, что его не поняли.

Концепция Курно страдает, разумеется, принципиальными пороками. В самом общем смысле она должна рассматриваться как буржуазно-апологетическая: Курно игнорирует эксплуатацию труда капиталом, кризисы и другие коренные закономерности капитализма. Курно рассматривает в своей модели лишь непосредственно цены, которые у него складываются в сфере обращения, и не имеют почти никакой связи с производством. В своей трактовке монополии и конкуренции он искажает многие важные элементы реальной капиталистической экономики. «Чистая политическая экономия» Курно, отвлекающаяся от противоречий капитализма, явилась одним из источников субъективной школы. Именно ее представители вскоре после смерти Курно «заново» открыли его и изобразили своим предшественником. В известной мере это так и есть. Однако нам теперь важна не закономерная ограниченность мировоззрения Курно, а созданная им методология исследования конкретных экономических проблем. В этом отношении он был подлинным пионером, проложившим новые пути в науке.

Курно понимал, что его математическая модель могла бы стать более ценным орудием познания, если бы удалось наполнить ее эмпирическим материалом, в цифровой форме отражающим экономическую реальность. Однако он только высказал эту идею, которой пришлось ждать своего осуществления около столетия.

Но почти одновременно с Курно (даже несколько ранее) немец Иоганн Генрих фон Тюнен (1783—1850) построил другую экономическую модель и отчасти сделал то, о чем говорил Курно, — наполнил ее эмпирическим материалом. Тюнен был северогерманским юнкером (помещиком) и всю жизнь мирно занимался сельским хозяйством в своем небольшом поместье. Этот помещик, однако, был прирожденным мыслителем. Тюнен решал иную экономическую задачу. Он предположил существование изолированной хозяйственной области в виде круга с почвой абсолютно одинакового

плодородия и с городом (единственным источником спроса на сельскохозяйственные продукты) в центре этого круга. Исследуя эту модель, он пришел к интересному выводу, что оптимальным будет размещение различных отраслей сельского хозяйства в виде концентрических колец по убывающей интенсивности. В течение 10 лет Тюнен с поразительным трудолюбием и аккуратностью вел учет затрат и результатов в своем хозяйстве. Он вычислял, в частности, па каком расстоянии от города при данной цене сельскохозяйственного товара транспортные издержки сравняются с чистой выручкой (валовая выручка за вычетом издержек производства) и производство станет, следовательно, нерентабельным. Если книга Курно была началом абстрактной математической экономики, то расчеты Тюнена иногда считают прообразом эконометрики — математической экономики, которая включает статистическую информацию и разработку эмпирических, основанных на фактических количествах, моделей.

Математические методы в экономике

Дискуссия о роли математических методов в экономике имеет по меньшей мере столетнюю давность. В ней высказывались всевозможные точки зрения, начиная от «антиматематического обскурантизма» и кончая утверждениями, что без математики вообще не может быть никакой экономической пауки. В настоящее время подобные крайние позиции едва ли могут рассчитывать на поддержку. Но место, формы, пределы математики в различных областях экономического знания остаются и несомненно будут и далее предметом дискуссий. Принципиально вопрос о математических методах в экономике решается, как и всякий научный вопрос, прежде всего на основе критерия практики, или, проще говоря, самой жизнью. Объективные нужды хозяйствования на определенной стадии развития предъявили к экономике требования математизации. Непосредственные хозяйственные потребности вызвали и появление новых математических методов решения экономических задач определенного класса. Основной тип экономической задачи — выбор оптимального, наиболее рационального варианта какой-то программы производства, капиталовложений, материального снабжения и т. п. Научное решение таких задач на основе экономико-математических методов становится возможным лишь при условии использования современной электронно-вычислительной техники. Она становится как бы третьим компонентом системы экономика — математика — ЭВМ, которая уже играет важную роль в повышении эффективности хозяйства и будет приобретать все большее значение.

Нет сомнения, что в социалистической плановой экономике научные методы руководства с использованием математических моделей и методов могут применяться наиболее эффективно и плодотворно. В советских плановых органах накоплен в этой области известный опыт, а последние годы особенно богаты внедрением новых методов. Серьезный вклад в разработку теории и практики планирования вносят специалисты других социалистических стран. Советский академик В. С. Немчинов, польский ученый О. Ланге были крупнейшими знатоками и пропагандистами экономико-математических методов.

Самым дискуссионным в области экономико-математических методов является вопрос о применении математики в теоретических исследованиях по политической экономике, где ставится цель вскрыть коренные качественные, социально-экономические закономерности данной общественной системы, будь то капитализм или социализм. Математика является методом и орудием познания, подобно логике, абстракции, эксперименту. Сама по себе она

нейтральна, как нейтральны, скажем, электронно-вычислительные машины. В основе теоретического экономического исследования всегда лежит мировоззренческая концепция, которая определяет качественный анализ, предшествующий всякому применению математики, формулирующий условия и ограничения задачи. Марксистское экономическое исследование отличается от немарксистского независимо от того, используется ли в том и в другом математика. Вопрос о ее использовании решается научной целесообразностью. В иных областях важные результаты могут быть достигнуты без формально-математических приемов, в других они полезны и даже необходимы. Возражая тем, кто опасался, что использование формальных математических методов повредит чистоте марксистско-ленинской теории, В. С. Немчинов писал: «Часто напоминают о возможности злоупотребления математикой. Такие злоупотребления, конечно, возможны. Но они могут быть сведены к нулю, если правильно будет проведен предварительный качественный анализ изучаемых экономических явлений».

Следует напомнить, что К. Маркс считал применение математики в экономической теории возможным и целесообразным. Многие количественные закономерности в теории Маркса выражены с помощью алгебраических формул, заключающих в себе чаще всего прямую и обратную пропорциональность. Известно переданное П. Лафаргом высказывание Маркса о том, что наука лишь тогда достигает совершенства, когда ей удастся пользоваться математикой. В 1873 г. Маркс писал Энгельсу, что считает возможным путем математической обработки надежного статистического материала об экономических циклах «вывести... главные законы кризисов». Речь здесь, разумеется, идет не о причинах кризисов, а о закономерностях их движения. Математизация всех областей знания и развитие кибернетического, системно-информационного подхода неизбежно оказывают большое влияние на экономическую науку. Задача ученых-марксистов заключается в том, чтобы обогащать марксистско-ленинское экономическое учение арсеналом новых научных методов и орудий.

Глава 16

ПРЕКРАСНЫЙ МИР УТОПИСТОВ: СЕН-СИМОН И ФУРЬЕ

Во все времена были люди, мечтавшие о лучшей жизни для человечества и верившие в ее возможность на земле. К действительности своего времени эти люди относились обычно критически. Нередко им приходилось бороться с этой действительностью, и они становились героями и мучениками. Выступая против современного им общества, они анализировали и критиковали социально-экономический строй этого общества. Предлагая переустройство общества, эти люди пытались обрисовать и обосновать более справедливый и гуманный строй. Их идеи выходят за пределы политической экономии, но они играют важную роль и в этой науке.

Социалистические и коммунистические идеи развивались во многих произведениях XVI—XVIII вв., разных по своим научным и литературным достоинствам и по своей судьбе. Но это была лишь предыстория *утопического социализма*. Свой классический период он переживает в первой половине XIX в.

К этому времени буржуазные отношения достаточно развились, чтобы вызвать к жизни развернутую и глубокую критику капитализма. В то же время классовая противоположность между буржуазией и пролетариатом еще не выявилась в полной мере, представлялась в виде более общего конфликта между богатством и бедностью, жестокой силой и бесправием. Поэтому еще не было условий для научного социализма, который впервые обосновал историческую миссию пролетариата. Но учение Маркса и Энгельса одним из своих источников имело утопический социализм, достигший своих высот в трудах великих мыслителей Сен-Симона, Фурье и Оуэна.

От графа до нищего

«Я происхожу от Карла Великого, Отец мой назывался графом Рувруа де Сен-Симон, я являюсь ближайшим родственником герцога де Сен-Симона». В этих строках можно было бы видеть только дворянскую спесь, если бы мы не знали, что за человек был Сен-Симон. Ими он начинает автобиографический отрывок, написанный в 1808 г., когда бывший граф, ныне гражданин, Сен-Симон, жил на средства своего слуги. Жизнь этого замечательного человека так же исполнена сложностей и противоречий, как и его учение. В ней есть большое богатство и нищета, военные подвиги и тюрьма, восторг благодетеля человечества и попытка самоубийства, предательство друзей и твердая вера учеников.

Клод Анри Сен-Симон де Рувруа родился в Париже в 1760 г. и вырос в наследственном замке на севере Франции (ныне департамент Сомма). Он получил хорошее домашнее образование. Свободолюбие и твердость характера рано проявились в юном аристократе. В 13 лет он отказался от первого причастия, заявив, что не верит в таинства религии и не собирается лицемерить. Скоро в нем обнаружилась еще одна черта, немало удивлявшая родных: убеждение в своем высоком общественном призвании. Существует рассказ о том, что 15-летний Сен-Симон приказал своему слуге ежедневно будить его словами: «Вставайте, граф, вас ждут великие дела».

Но до великих дел еще далеко, а пока Сен-Симон, как это принято в их роду, поступает на военную службу и около трех лет ведет скучную гарнизонную жизнь. Избавление от нее для молодого офицера приходит тогда, когда он отправляется в Америку добровольцем в составе французского экспедиционного корпуса, посланного в помощь восставшим американским колониям против Англии. Позже Сен-Симон с гордостью писал, что он служил под начальством Вашингтона. Он показал себя храбрецом и был награжден орденом только что возникших Соединенных Штатов.

Во время морского путешествия Сен-Симон был захвачен англичанами в плен и отправлен на Ямайку, где пробыл до заключения мира в 1783 г. Во Францию он вернулся героем и скоро получил под командование полк. Блестящая карьера открывалась перед молодым графом Сен-Симоном. Но эта праздная жизнь скоро наскучила ему. Путешествие в Голландию, а затем в Испанию выявляет новое лицо Сен-Симона — лицо искателя приключений и прожектера. Создается впечатление, что его неумная энергия и изобретательный ум, еще не найдя подлинного назначения, ищут себе выхода в этом прожектерстве. В Голландии он готовит военно-морскую экспедицию для отвоевания у англичан Индии. В Испании составляет проект большого канала для соединения Мадрида с морем и организует не без успеха кампанию почтово-пассажирских перевозок.

Воспитанный на идеях энциклопедистов и на опыте американской революции, Сен-Симон с энтузиазмом принял события 1789 г. Около двух

лет Сен-Симон довольно активно участвует в революции, однако только «на местном уровне»: он живет в маленьком городке вблизи от бывшего родового поместья. О потере поместья он не сожалеет, а от графского титула и древнего имени официально отказывается и принимает имя гражданина Бонома (bonhomme — простак, мужик).

В 1791 г. в жизни гражданина Бонома происходит резкий и на первый взгляд опять-таки странный поворот. Он уезжает в Париж и вступает на поприще земельных спекуляций, которые в этот период приняли огромные масштабы в связи с распродажей собственности, конфискованной государством у дворян и церкви. В партнеры себе он выбирает знакомого ему еще по Испании немецкого дипломата барона Редерна. Успех превосходит все ожидания. К 1794 г. Сен-Симон уже очень богат, но здесь на его голову опускается карающая десница якобинской революции. Контрреволюционный термидорианский переворот спасает узника от гильотины. Проведя около года в тюрьме, он выходит на свободу, и вновь пускается в спекуляции, теперь уже безопасные. В 1796 г. совместное богатство Сен-Симона и Редерна оценивается в 4 млн. франков.

Но на этом карьере преуспевающего спекулянта обрывается. В Париж возвращается барон Редерн, благоразумно скрывшийся за границу во время террора, и предъявляет свои права на все их совместное состояние, поскольку операции велись от его имени. Это странное соединение дьявольской ловкости и детского простодушия в Сен-Симоне непостижимо! После долгих споров он вынужден удовлетвориться отступным в 150 тыс. франков, которые дает ему Редерн.

Сен-Симон, который успел побывать воином и авантюристом, патриотом и спекулянтом, превращается в усердного школяра. Увлеченный большими успехами естественных наук, он с обычным для него жаром и энергией берется за их изучение. Остаток своего богатства он использует на содержание гостеприимного дома, где принимает крупнейших ученых Парижа. В течение нескольких лет Сен-Симон путешествует по Европе. Примерно к 1805 г. окончательно выясняется, что от его денег ничего не осталось, и он оказывается на грани бедности.

Позже, обозревая свою жизнь, Сен-Симон был склонен изображать свои взлеты и падения как серию сознательных опытов, которые он проделал, готовясь к своей истинной деятельности социального реформатора. Это, конечно, иллюзия. Его жизнь была закономерным, обусловленным эпохой и ее событиями проявлением личности Сен-Симона, замечательно оригинальной и талантливой, но и крайне противоречивой. Уже в то время за ним утвердилась репутация человека странного и экстравагантного. Часто посредственность принимается обществом за норму, а талант кажется экстравагантным, а порой и подозрительным.

Печать большой оригинальности лежит и на первом печатном произведении Сен-Симона—«Письмах женевого обитателя к современникам» (1803 г.). Это уже утопический план переустройства общества, хотя изложенный в зачаточной, туманной форме. Две вещи замечательны в этом небольшом сочинении. Во-первых, Сен-Симон изобразил французскую революцию как классовую борьбу между тремя главными классами — дворянством, буржуазией и неимущими (пролетариатом). Энгельс назвал это «в высшей степени гениальным открытием». Во-вторых, он прозорливо очертил роль пауки в преобразовании общества. Об ученых Сен-Симон писал: «Взгляните на историю прогресса человеческого разума, и вы увидите, что почти всеми образцовыми произведениями его мы обязаны людям, стоявшим особняком и нередко

подвергавшимся, преследованиям. Когда их делали академиками, они почти всегда засыпали в своих креслах, а если и писали, то лишь с трепетом и только для того, чтобы высказать какую-нибудь маловажную истину». С другой стороны, он говорил о препятствиях на пути подлинной науки: «Почти всегда занятия, которым они (ученые.— А. А.) принуждены отдаваться, чтобы добыть себе пропитание, уже в самом начале их деятельности отвлекают их от важнейших идей. Как часто им не доставало опытов или необходимых для развития их взглядов путешествий! Сколько раз они были лишены необходимых сотрудников, чтобы дать своей работе весь размах, на который они были способны!». Призывая ученых выступить против сил косности и занять в переустроенном обществе место руководителей, автор восклицает: «Математики! Ведь вы находитесь во главе, начинайте!»

Этих цитат достаточно и для того, чтобы представить литературный стиль Сен-Симона — энергичный, патетический, порой экзальтированный. Со страниц его сочинений встает человек беспокойный, мятежный, болеющий за судьбы человечества.

Учитель

Последние 20 лет жизни Сен-Симона наполнены лишениями, борьбой и интенсивным творчеством. Оказавшись без средств, он стал, искать любой заработок и одно время работал переписчиком бумаг в ломбарде. В 1805 г. он случайно встретил Диара, своего бывшего слугу, который в свое время, служа у Сен-Симона, сумел приобрести некоторое состояние. Два года Сен-Симон жил у Диара и до смерти последнего в 1810 г. пользовался его помощью. История Дон-Кихота и Санчо Пансы повторилась в этой своеобразной паре! На деньги Диара Сен-Симон выпустил в 1808 г. свою вторую работу — «Введение к научным трудам XIX века». Это и несколько других сочинений он печатал малым тиражом и рассылал видным ученым и политическим деятелям, прося критики и помощи в дальнейшей работе. Но это был глас вопиющего в пустыне.

В 1810—1812 гг. Сен-Симон дошел до предела нужды. Он писал, что продал все свое имущество, вплоть до одежды, что кормится он одним хлебом и водой и не имеет топлива и свечей. Однако, чем труднее ему приходилось, тем упорнее он работал. Именно в эти годы окончательно формируются его взгляды на общество, которые он изложил в ряде зрелых работ, опубликованных начиная с 1814 г. Живет он случайными подачками благотворителей, гордо заявляя, что, не краснея, может просить помощи у кого угодно, ибо эта помощь нужна ему для трудов, единственная цель которых — общественное благо.

Внимание публики было привлечено к Сен-Симону его брошюрой о послевоенном устройстве Европы. В этой брошюре Сен-Симон впервые говорит свою любимую и знаменитую фразу: «Золотой век человечества не позади нас, а впереди». Обоснование этого тезиса, разработка путей к «золотому веку» — таково содержание дальнейшей деятельности Сен-Симона.

Жизнь Сен-Симона к 60 годам несколько налаживается. У него появляются ученики и продолжатели. С другой стороны, проповедь мирного преобразования общества, обращенная к его естественным просвещенным «вождям» — банкирам, промышленникам, купцам — привлекает внимание некоторых людей среди этого класса. Сен-Симон получает возможность печатать свои сочинения, и они приобретают довольно широкую известность. Богатые последователи обеспечивают ему возможность жить в достатке и

напряженно работать. Устроена его личная жизнь: при нем верная мадам Жюлиан — ближайший друг, секретарь, экономка. Свои труды он теперь диктует ей или кому-либо из учеников.

Но и в жизни и в своих сочинениях Сен-Симон остается бунтарем, энтузиастом, человеком порыва и фантазии. Группа банкиров и богачей, давших деньги на издание одного из сочинений Сен-Симона, публично отмежевывается от его идей и заявляет, что он ввел их в заблуждение и обманул доверие. Вскоре после этого Сен-Симон попадает под суд по обвинению в оскорблении королевской фамилии: он напечатал «Притчу», в которой заявляя, что Франция ничего не потеряет, если вдруг волшебным образом бесследно исчезнут члены королевской фамилии, а заодно все аристократы, высшие чиновники, священники и т. д., но очень много потеряет, если исчезнут лучшие ученые, художники, мастера, ремесленники. Суд присяжных оправдал его, найдя здесь лишь забавный парадокс.

Если это скорее трагикомический эпизод в жизни Сен-Симона, то попытка самоубийства в марте 1823 г.— подлинно трагический. Сен-Симон стрелял себе в голову из пистолета, остался жив, но лишился одного глаза. До конца объяснить любое самоубийство невозможно, и едва ли стоит гадать о причинах поступка Сен-Симона. В прощальном письме близкому другу (где он также просит позаботиться о мадам Жюлиан) Сен-Симон говорит о своем разочаровании в жизни, вызванном слабым интересом людей к его идеям. Однако, едва поправившись после ранения, он вновь с жаром берется за работу и в 1823—1824 гг. издает свой самый законченный и отделанный труд — «Катехизис индустриалов». В течение 1824 г. Сен-Симон лихорадочно работает над своей последней книгой — «Новое христианство», стремясь дать будущему «обществу индустриалов» новую религию, берущую от христианства лишь его исходный гуманизм. В мае 1825 г., через несколько недель после выхода в свет «Нового христианства», Клод Анри Сен-Симон умер.

Сен-симонизм

Автор статьи о Сен-Симоне во французском биографическом словаре писал в 1863 г.: «Сен-Симон не был ни безумцем, ни пророком; это был просто плохо сформированный ум, который в своей дерзости не поднимался над посредственностью. Несмотря на большую шумиху, которую поднимали вокруг его памяти, он уже принадлежит забвению, и он не из тех, которые воскресают из забвения».

История зло посмеялась над этим самодовольным филистером. После его «приговора» прошло более 100 лет, а имя и идеи Сен-Симона продолжают привлекать внимание и интерес.

Можно сказать, что сен-симонизм прошел в своем развитии четыре стадии. *Первая* представлена трудами Сен-Симона до 1814—1815 гг. В этот период главные его черты — культ науки и ученых, довольно абстрактный гуманизм. Социально-экономические идеи сен-симонизма существуют лишь в зародыше.

Вторая стадия воплощается в зрелых трудах Сен-Симона последних 10 лет его жизни. В них Сен-Симон решительно отказывается признавать капитализм естественным и вечным строем и выдвигает тезис о закономерной смене его новым общественным строем, где сотрудничество людей сменит антагонизм и конкуренцию. Эта смена произойдет путем мирного развития «общества индустриалов», в котором будет ликвидирована экономическая и политическая власть феодалов и паразитических буржуа-собственников, хотя сохранится частная собственность. Сен-Симон

все более склонялся к защите интересов самого многочисленного и самого угнетенного класса. Маркс писал, что «в последней своей работе «Nouveau Christianisme» Сен-Симон прямо выступил как выразитель интересов рабочего класса и объявил его эмансипацию коночной целью своих стремлений».

Сен-Симон считал, что современное ему общество состоит из двух основных классов — праздных собственников и трудящихся индустриалов. В этом представлении причудливо сплелись классовые противоположности феодального и буржуазного общества. Первый класс у Сен-Симона включает крупных землевладельцев и капиталистов-рантье, не участвующих в экономическом процессе. К ним примыкает возвысившийся за годы революции и империи слой военной и судейской бюрократии. Индустриалы — все прочие, составляющие вместе с семьями, по мнению Сен-Симона, до 96% всего населения тогдашнего французского общества. Сюда входят все люди, занимающиеся любой общественно полезной деятельностью: крестьяне и наемные рабочие, ремесленники и фабриканты, купцы и банкиры, ученые и художники. Доходы собственников Сен-Симон считал паразитическими, доходы индустриалов — трудовыми. Если выразить это в политэкономических категориях, он сливал в доходах первых земельную ренту и ссудный процент, в доходах вторых — предпринимательский барыш (или всю прибыль) и заработную плату. Таким образом, Сен-Симон не видел классовой противоположности между буржуазией и пролетариатом или, во всяком случае, не считал ее значительной. Отчасти это объяснялось неразвитостью классов в начале XIX в., отчасти его стремлением подчинить всю свою теорию единой цели: сплочению подавляющего большинства нации для мирного и постепенного преобразования общества. Сен-Симон не выступал в принципе против частной собственности, а лишь, так сказать, против злоупотребления ею и не предвидел ее ликвидации в будущем обществе, а считал возможным установить над ней лишь известный контроль со стороны общества. Оценка капиталистов-предпринимателей как естественных организаторов производства, необходимых для блага общества, связывает Сен-Симона с идеями Сэя.

Труды, пропаганда и практическая деятельность учеников в период от смерти Сен-Симона до 1831 г. представляют собой *третью* стадию сен-симонизма и, в сущности, его расцвет. Сен-симонизм становится подлинно социалистическим учением, поскольку он фактически требует ликвидации частной собственности на средства производства, распределения благ по труду и способностям, общественной организации и планирования производства. Наиболее полно и систематически эти идеи выражены в публичных лекциях, которые в 1828—1829 гг. читали в Париже ближайшие ученики Сен-Симона С. А. Базар, Б. П. Анфантен, Б. О. Родриг. Эти лекции были впоследствии изданы под заглавием «Изложение учения Сен-Симона». Ведущую роль в социалистическом развитии идей Сен-Симона играл Базар (1791-1832).

Ученики придали взглядам Сен-Симона на классы и собственность более очевидное социалистическое направление. Они уже не рассматривают индустриалов как единый и однородный социальный класс, а говорят, что эксплуатация, которой он подвергается со стороны собственников, всей своей тяжестью ложится на рабочего. Рабочий, пишут они, «эксплуатируется материально, интеллектуально и морально, как некогда эксплуатировался раб». Капиталисты-предприниматели здесь уже «участвуют в привилегиях эксплуатации».

Сен-симонисты связывают эксплуатацию с самим институтом частной

собственности. В пороках общественной системы, основанной на частной собственности, они видят также главную причину кризисов и анархии производства, присущих капитализму. Правда, эта глубокая мысль не подтверждается каким-либо анализом механизма кризисов, но она является еще одним обоснованием их важнейшего требования — резкого ограничения частной собственности путем отмены права наследования. Единственным наследником должно быть государство, которое будет далее передавать производственные фонды предпринимателям как бы в аренду, по доверенности. Руководители предприятий превратятся тем самым в доверенных лиц общества. Так частная собственность постепенно преобразуется в общественную.

Новое слово сен-симонистов состояло также в том, что они стремились найти материальные основы будущего строя в недрах старого общества. Социализм, по их представлениям, должен был возникнуть как закономерный результат развития производительных сил. Такой зародыш будущей планомерной организации производства в интересах общества они видели в капиталистической кредитно-банковой системе. Правда, позже эти глубокие идеи сенсимонистов превратились в «кредитные фантазии» мелко-буржуазного и откровенно буржуазного характера. Но саму идею о том, что социалистическое общество может использовать созданный капитализмом механизм крупных банков для общественного учета, контроля и руководства хозяйством, классики марксизма-ленинизма считали гениальной догадкой.

Как и Сен-Симон, ученики много внимания уделяли роли науки в развитии и преобразовании общества. Ученые и наиболее талантливые предприниматели должны были в будущем взять на себя политическое и экономическое руководство обществом. Политическое руководство постепенно сойдет на нет, поскольку при будущем строе надобность в «управлении людьми» отпадет, а останется только «управление вещами», т. е. производством. Вместе с тем сен-симонисты резко критиковали положение науки и ученых в тогдашней действительности: «... в обмен за милость чуждая науке власть требует от ученого, приниженного до роли просителя, полного политического и морального рабства... Между ученой корпорацией и корпорацией преподавательской существует полное расхождение; не боясь согрешить против истины, можно сказать, что они говорят на разных языках. Не принимается никаких общих мер к тому, чтобы научный прогресс по мере его достижения переходил непосредственно в область воспитания...».

В трудах Сен-Симона и его учеников мы не находим специальной трактовки основных категорий политической экономии. Они не анализировали создание и распределение стоимости, закономерности заработной платы, прибыли, земельной ренты. Отчасти они довольствовались принятыми представлениями буржуазной политэкономии той эпохи. Но главное заключалось в том, что их мысль развивалась в принципиально ином направлении и ставила иные задачи. Их заслуга в экономической науке заключается в том, что они выступили против основополагающей догмы буржуазных классиков и «школы Сэя» о естественности и вечности капиталистического строя. Тем самым вопрос о закономерностях хозяйства этого строя переносился в совершенно иную плоскость. Перед политической экономией была поставлена новая задача: показать, как исторически возник и развивался капиталистический способ производства, каковы его противоречия, почему и как он должен уступить место социализму. Сен-симонисты не могли решить эту задачу, но и постановка ее была большим достижением.

Сам Сен-Симон хвалил Сэя за то, что тот очертил предмет

политической экономии как особой науки и отделил ее от политики. Ученики, не касаясь этого вопроса, подвергли Сэя и его последователей резкой критике и прямо указали на апологетический характер их учения. Отметив, что эти экономисты не пытаются показать, как возникли современные отношения собственности, сен-симонисты говорят: «Правда, они претендуют на то, что показали, как происходит образование, распределение и потребление богатств, но их мало занимает вопрос о том, всегда ли созданные трудом богатства будут распределяться сообразно происхождению и в значительной своей части потребляться людьми праздными».

Период, начавшийся в 1831 г., представляет собой *четвертую* стадию и распад сен-симонизма. Не имея сколько-нибудь прочных позиций в среде рабочего класса, сенсимонисты оказались совершенно растерянными перед лицом первых революционных выступлений французского пролетариата. Еще более отдалила их от рабочего класса и даже от демократической учащейся молодежи религиозная сектантская окраска, которую принял сен-симонизм в эти годы. Анфантен стал «верховным отцом» сен-симонистской церкви, была основана своеобразная религиозная коммуна, введена специальная униформа (застегивающиеся сзади жилеты). Возникли резкие расхождения внутри движения между различными группами последователей Сен-Симона. Споры сосредоточились вокруг вопроса об отношениях полов и положении женщины в коммуне. В ноябре 1831 г. Базар с группой своих сторонников вышел из церкви. Вскоре орлеанистское правительство, пришедшее к власти после Июльской революции 1830 г., организовало против Анфантена и его группы судебный процесс, обвинив их в оскорблении нравственности и в проповеди опасных идей. Анфантен был осужден на один год тюрьмы. Движение распалось организационно, некоторые его члены продолжали разрозненно и безуспешно проповедовать сен-симонизм, некоторые примкнули к другим социалистическим течениям, а иные превратились в добропорядочных буржуа.

Тем не менее влияние сен-симонизма на дальнейшее развитие социалистических идей во Франции, а отчасти и в других странах, было весьма велико. Сила сен-симонистов заключалась в том, что, при всех нелепостях их религии, они имели смелую и последовательную программу борьбы против буржуазного общества.

Прекрасно сказал о них А. И. Герцен: «Поверхностные и неповерхностные люди довольно смеялись над отцом Енфантен (Анфантеном.— А. А.) и над его апостолами; время иного признания наступает для этих предтеч социализма.

Торжественно и поэтически являлись середь мещанского мира эти восторженные юноши с своими неразрезными жилетами, с отращенными бородами. Они возвестили новую веру, им было что сказать и было во имя чего позвать перед свой суд старый порядок вещей, хотевший их судить по кодексу Наполеона и по орлеанской религии».

Трудная жизнь Шарля Фурье

«Если у Сен-Симона,— писал Энгельс,— мы встречаем гениальную широту взгляда, вследствие чего его воззрения содержат в зародыше почти все не строго экономические мысли позднейших социалистов, то у Фурье мы находим критику существующего общественного строя, в которой чисто французское остроумие сочетается с большой глубиной анализа... Фурье — не только критик; всегда жизнерадостный по своей натуре, он становится сатириком, и даже одним из величайших

сатириков всех времен». Фурье принадлежат также многие замечательные мысли об устройстве будущего социалистического общества. В одной из своих ранних статей Энгельс говорит, что у школы Фурье ценно «научное изыскание, трезвое, свободное от предрассудков, систематическое мышление, короче— *социальная философия...*». Эта социальная философия, которая была предшественницей исторического материализма Маркса и Энгельса, прежде всего и образует вклад Фурье в науку политической экономии.

Сочинения Фурье представляют собой единственное в своем роде явление в литературе общественных наук. Это не только научные трактаты, но и яркие памфлеты и невероятно изобретательные фантазии. Блестящая сатира сочетается в них со странной мистикой, пророческие предвидения — с почти бредовыми выдумками, широкие и мудрые обобщения — с докучливой регламентацией жизни людей будущего общества. Со времени появления главных трудов Фурье прошло полтора столетия. Сама жизнь отделила в творчестве Фурье мистику и беспочвенные фантазии от поистине гениальных идей о преобразовании человеческого общества. Как замечает советский исследователь фурьеризма И. И. Зильберфарб, открытия Ньютона и Кеплера тоже излагались в очень странной, с нашей нынешней точки зрения, форме, с рассуждениями об ангелах и библейских пророчествах.

Шарль Фурье родился в 1772 г. в Безансоне. Отец Фурье, состоятельный купец, умер, когда мальчику было 9 лет. Единственный сын в семье, он должен был унаследовать значительную часть состояния и дело отца. Но Шарль Фурье очень рано вступил в конфликт со своей средой и семьей. Обман и жульничество, с которыми была связана торговля, возмущали его уже в детские годы.

Образование Фурье получил в безансонском иезуитском коллеже. У него были отличные способности к наукам, литературе, музыке. Окончив коллеж, он пытался поступить в военно-инженерную школу, но это ему не удалось. В дальнейшем свои знания Фурье мог пополнить только путем чтения. В образовании Фурье остались зияющие пробелы, которые дали себя знать в его сочинениях. В частности, он никогда специально не изучал трудов английских и французских экономистов. Фурье познакомился с их идеями довольно поздно и из вторых рук — по журнальным статьям и из бесед со сведущими людьми. Он никогда и не пытался анализировать теории экономистов сколько-нибудь подробно, принципиально отвергая самый их дух, считая эти теории голой апологетикой гнусного «строения цивилизации», т. е. капитализма.

После долгих споров и попыток бунта 18-летний Фурье был вынужден уступить давлению семьи и начать службу учеником в большом торговом доме в Лионе. В этом промышленном городе ему было суждено провести значительную часть жизни, а из наблюдений над общественными отношениями в Лионе во многом выросли его социально-экономические идеи. Кроме того, ему уже в очень молодые годы пришлось по делам фирмы бывать в Париже, Руане, Бордо, Марселе. В 1792 г., получив долю наследства отца, Фурье открыл в Лионе собственное торговое дело.

Молодость Фурье проходила в годы революции. До этого великие исторические события, видимо, мало затрагивали его, но грозный 93-й год перевернул всю жизнь молодого купца. Во время восстания Лиона против якобинского Конвента Фурье оказался в рядах восставших, а после капитуляции — в тюрьме. Все его имущество погибло. Из тюрьмы ему удалось освободиться, и он уехал в родной Безансон. В контрреволюцию юного Фурье привели, очевидно, не убеждения, а обстоятельства. Возможно, он был насильно мобилизован в войско мятежников. Вскоре он вступил в

революционную армию и полтора года служил Республике. Уволенный из армии по состоянию здоровья (оно всю жизнь было у Фурье слабым), он нанялся коммивояжером в торговую фирму, а потом стал в Лионе мелким торговым маклером. В эти годы ему вновь пришлось много ездить по Франции, наблюдать экономическую и политическую жизнь эпохи Директории и Консульства. Он видел, что на верхних ступеньках социальной лестницы место дворян заняли новые богачи — армейские поставщики, спекулянты, биржевики, банкиры. Новая фаза, в которую вступил «строй цивилизации», породила лишь новые бедствия и лишения для огромной массы населения.

К 30 годам Фурье приходит к твердому выводу, что его предназначение в жизни — стать социальным реформатором. Как он рассказывает, непосредственным толчком к этому убеждению послужили размышления по поводу экономических нелепостей, которые он наблюдал. Его поразило, например, до какого уровня взвинчивают в Париже цены на яблоки спекулянты, тогда как крестьяне в провинции отдают их почти даром.

В декабре 1803 г. Фурье опубликовал в лионской газете небольшую статью под заглавием «Всеобщая гармония», где возвещал о своем «удивительном открытии». Он писал, что на основе методов естественных наук откроет (или уже открыл) «законы социального движения», как другие ученые открыли «законы материального движения». Более полно идеи Фурье были изложены в вышедшей анонимно в 1808 г. в Лионе книге «Теория четырех движений и всеобщих судеб».

При всей странности формы этого сочинения, оно содержит основы «социетарного плана» Фурье, т. е. плана преобразования буржуазного общества в будущий «строй гармонии». В противовес философам и экономистам, которые рассматривают капитализм как естественное и вечное состояние человечества, Фурье заявляет: «Между тем, что может быть более несовершенного, чем этот строй цивилизации, который влечет за собой все бедствия? Что может быть более сомнительного, чем его необходимость и увековечение его на будущее? Разве не вероятно, что он является лишь ступенью на пути общественного развития?». «Социетарный порядок... придет на смену бессвязности строя цивилизации...».

Книга Фурье осталась почти незамеченной, но это не уменьшило его энтузиазма. Он продолжал работать над развитием своих идей. Условия его жизни несколько облегчились после того, как в 1811 г. он перешел на государственную службу, а в 1812 г. получил по завещанию матери небольшую пенсию. В 1816—1822 гг. Фурье жил в провинции, недалеко от Лиона. У него появились последователи. Впервые в жизни он мог работать в сравнительно спокойной обстановке. Плодом этой работы явилось обширное сочинение, изданное в 1822 г. в Париже под заглавием «Трактат о домашней и земледельческой ассоциации». В посмертных собраниях сочинений Фурье эта книга публикуется под заглавием «Теория всеобщего единства».

Фурье пытался подробно разработать и обосновать устройство трудовых ассоциаций, которые он называл *фалангами*. Здание, в котором должны были жить, трудиться и отдыхать члены фаланги, называлось *фаланстером*. Фурье надеялся, что экспериментальные фаланги могут быть созданы немедленно, без изменения всего общественного строя. Живя в Париже, Фурье каждый день в объявленное время наивно ждал у себя дома богачей-жертвователей, на средства которых мог бы быть построен фаланстер. Разумеется, такие богачи не являлись.

Фурье вновь был вынужден зарабатывать себе на жизнь службой в конторах Парижа и Лиона. Лишь в 1828 г. ему удалось освободиться от

постылого рабства благодаря материальной поддержке друзей и последователей. Он уединился в Безансоне и закончил там книгу, над которой работал уже несколько лет. Эта книга — «Новый хозяйственный и социетарный мир» (1829 г.)—лучшее произведение Фурье. К этому времени прошло четверть века после его первых литературных опытов. Развитие капитализма дало новую огромную массу материалов для его критики. Вместе с тем Фурье развивал свои взгляды на будущее общество, излагал их более популярно и в очищенном от мистики виде.

Последние годы жизни Фурье провел в Париже. Он продолжал напряженно работать, педантично выполняя ежедневную норму писания. Результатом его трудов явилась еще одна большая книга, вышедшая в 1835—1836 гг., ряд статей в издававшихся фурьеристами журналах и большое количество рукописей, опубликованных после смерти Фурье. В этих сочинениях рассматривается широкий круг социальных, экономических, морально-этических, педагогических и иных проблем. Мысль Фурье работала непрерывно и с большой творческой энергией, хотя его здоровье резко ухудшилось. Шарль Фурье умер в Париже в октябре 1837 г.

После 1830 г. существовало уже значительное фурьеристское движение, но тем не менее сам Фурье был очень одинок в свои последние годы. Нарастало отчуждение между ним и многими его учениками, стремившимися придать смелому учению Фурье беззубый реформистский оттенок. Для многих был трудно переносим его характер, в котором старость и болезни усиливали черты подозрительности, мнительности, упрямства.

С точки зрения буржуазного здравого смысла Фурье, как и Сен-Симон, был, конечно, почти сумасшедшим. Остряки даже обыгрывали по этому поводу фамилии великих утопистов (saint — святой, fou — безумец). Но он был из тех безумцев, о которых сказал Беранже:

Господа! Если к правде святой
Мир дороги найти не умеет,—
Честь безумцу, который навевает
Человечеству сон золотой!

С точки зрения Шарля Фурье, безумным был мир, в котором он жил и работал.

Этот безумный мир

Фурье сделал гениальную попытку представить историческую закономерность развития человеческого общества. История человечества от его появления на земле до будущего общества гармонии выглядит у Фурье следующим образом:

*П е р и о д ы ,
п р е д ш е с т в у ю щ и е
п р о и з в о д с т в е н н о й
д е я т е л ь н о с т и*

*Раздробленное, обманное,
о т т а л к и в а ю щ е е
производство*

*Социетарное, правдивое,
п р и в л е к а т е л ь н о е
производство*

Внутри периода цивилизации Фурье выделял четыре фазы. Две первые представляют собой, в сущности, рабовладельческий и феодальный строй, а третья — капитализм свободной конкуренции, современный Фурье.

Как видим, Фурье не только в общем выделил основные стадии развития человеческого общества, но и увязал их с состоянием производства на каждой из этих стадий. Тем самым он прокладывал путь к введенному Марксом понятию общественно-экономической формации. Энгельс писал, что в понимании истории общества ярче всего проявилось величие Фурье.

Что касается четвертой фазы цивилизации, то ее трактовка представляет собой пример одного из самых блестящих предвидений Фурье: он предсказал в своеобразной форме переход капитализма в монополистическую стадию, которую он называл торговым феодализмом. Проявляя незаурядный дар диалектического мышления, Фурье показывал, что свободная конкуренция закономерно превращается в собственную противоположность, ведет к монополии, которая представлялась ему в первую очередь в образе монополизации «новыми феодалами» торговли и банковского дела.

Фурье предъявил капитализму, который он называл миром наыворот, обвинительный акт, беспримерный по смелости и глубине для своей эпохи и сохраняющий отчасти свое значение даже для нашего времени. Но тут была и сила и слабость Фурье. Живописуя преступления капитализма, он не мог открыть их коренную причину, поскольку не имел ясного представления о производственных отношениях и классовой структуре буржуазного общества. Подобно Сен-Симону, Фурье считал предпринимателей и наемных рабочих единым трудовым классом. Отсюда происходила и его наивная идеалистическая вера в возможность мирного преобразования общества благодаря разуму, и в частности путем принятия его учения сильными мира сего.

Вынужденный ради хлеба насущного заниматься коммерцией, Фурье питал прямо-таки патологическую ненависть к капиталистической торговле. Сотни страниц его сочинений посвящены разоблачению пороков, плутней и низостей торговли и купцов. Торговый и денежный капитал представлялся ему главным носителем эксплуатации и паразитизма в буржуазном обществе. Фурье не видел, что торговый капитал есть лишь обособившаяся форма промышленного капитала, неизбежно играющая, при всей своей

самостоятельности и важности, все же подчиненную роль.

Капиталистическое производство Фурье характеризует как антисоциальное, разобщенное, раздробленное. В каком смысле? Единственная цель буржуазного производства — барыш предпринимателя, а не удовлетворение потребностей общества. Поэтому постоянной чертой капитализма является антагонизм интересов между индивидуальным производителем товаров и обществом. Конкуренция между предпринимателями отнюдь не служит интересам общества, как утверждают экономисты, а, напротив, разрушает его, создавая анархию производства, хаос и обстановку войны всех против всех. Погоня за барышом и конкуренция порождают чудовищную эксплуатацию наемных рабочих. Пример Англии с ее огромными фабриками, где за нищенскую плату работают и взрослые и дети, показывает, куда идет капитализм. «Вот оно — вновь воскресшее рабство!» — восклицает Фурье.

В росте пропасти между богатством и бедностью, в нищете среди изобилия Фурье видел также важнейшее доказательство краха буржуазной политической экономии с ее принципом свободы конкуренции. Сисмонди, пишет он, по крайней мере признает эти факты и тем самым делает «первый шаг к откровенному анализу», но не идет далее «полупризнания». Сэй же, возражая ему, пытается спасти авторитет политической экономии, но это ему плохо удается. Вот одно из множества язвительных высказываний Фурье об экономистах: «А сколько других паразитов существует еще среди софистов, начиная с экономистов, которые вооружаются против класса паразитов и сами в то же время носят их знамя!»

Труд, его организация и производительность — вот что в конечном счете определяет устройство и благосостояние общества. Понимая это, Фурье рисует потрясающую картину расхищения и порабощения труда при капитализме. «Строй цивилизации» превратил труд из нормальной жизнедеятельности человека, из источника радости в проклятье и ужас. В этом обществе все, кто в состоянии это сделать, любыми правдами и неправдами избавляются от труда. Труд мелкого собственника — крестьянина, ремесленника, даже предпринимателя — это непрерывная борьба с конкурентами, отсутствие обеспеченности, зависимость. Но еще несравненно тяжелее труд наемного рабочего, труд подневольный и не способный дать никакого удовлетворения человеку. С ростом производства, с его концентрацией и подчинением крупному капиталу такой труд становится все более преобладающим. Фурье чувствовал связь этого характера труда с частной собственностью и ее капиталистической формой, но не пытался уяснить себе эту связь. Тем не менее Маркс и Энгельс считали взгляды Фурье на труд и его идеи о полном изменении характера труда в будущем обществе одной из главных заслуг великого утописта.

В ряде ранних произведений Маркс развил концепцию отчуждения. Речь идет об отчуждении человека при капиталистическом строе от результатов его труда и судеб общества, о его превращении в жалкий придаток промышленного Молоха. Здесь несомненны следы идей Фурье, и Маркс прямо связывает в одном месте проблему отчуждения с именем Фурье.

Фурье бичует отнюдь не только экономические язвы капитализма, но также его политику, мораль, культуру, систему воспитания. Особенно много и резко он писал о том, как извращает капитализм естественные, человеческие отношения полов и ставит женщину в неравноправное, угнетенное положение. Энгельс писал: «Ему первому принадлежит мысль, что в каждом данном обществе степень эмансипации женщины есть естественное мерило общей эмансипации».

Вернемся теперь к таблице, где изображены периоды развития общества по Фурье. Мы видим, что между цивилизацией и гармонизмом Фурье помещал два переходных периода, которые он называл *гарантизм* и *социантизм*. Он много раз заявлял, что цель его заключается не в каких-то частных реформах строя цивилизации, а в уничтожении этого строя и создании принципиально нового общества. Но поскольку Фурье исключал революционный путь перехода и учитывал огромные трудности, он был согласен идти на компромисс и допускал, что людям цивилизации потребуется более или менее длительное время для создания гармонизма.

Основные черты первого переходного периода — гарантизма он намечал следующим образом. Частная собственность существенно не видоизменяется, но подчиняется коллективным интересам и контролю. Возникают частичные ассоциации, объединяющие группы семей для совместного труда, а также питания, отдыха и т. д. В этих ассоциациях труд постепенно теряет черты капиталистического наемного труда. Экономическое неравенство сохраняется, но при гарантизме «богачи обладают полным и обеспеченным счастьем лишь соразмерно с гарантиями соответствующих средств к существованию и наслаждений для бедных каст». Конкуренция контролируется обществом, становится правдивой и простой. Предпринимаются большие социальные работы, в частности ликвидируются трущобы, производится перестройка городов. Как и все утопии Фурье, гарантизм не требует широких изменений в политическом устройстве, он может начаться при монархии абсолютной и конституционной, при республике и любом другом строе.

Фурье считал, что в самом строе цивилизации уже развились некоторые предпосылки гарантизма, что к этому направляется «гений строя цивилизации». Лишь заблуждения людей, и особенно воздействие буржуазных общественных наук, мешают переходу к гарантизму. С другой стороны, гарантизм, будучи установлен, быстро убедит человечество в преимуществах нового общественного устройства и подготовит его к строю полной ассоциации.

Но на гарантизм Фурье можно смотреть иначе: как на систему реформ, улучшающих капитализм, делающих его «сносным» и вовсе не подготовляющих его ликвидацию. Тогда учение Фурье превращается в заурядный реформизм, оно как бы становится в ряд идей, подготовивших современные концепции и практику буржуазного «государства благосостояния». Сам Фурье протестовал бы против такого толкования его идей. Однако многие фурьеристы вели дело именно к этому.

В 30-х и отчасти в 40-х годах XIX в. фурьеризм был главным социалистическим течением во Франции. Он оказался жизненнее сен-симонизма, поскольку был лишен религиозно-сектантской формы и выдвигал более близкие и реалистические идеалы, особенно производственно-потребительский кооператив в виде фаланги. Однако в среде французского рабочего класса учение Фурье имело слабые позиции и было распространено главным образом среди интеллигентной молодежи.

Революция 1848 г. толкнула фурьеристов на арену политической деятельности, где они заняли позиции, близкие к мелкобуржуазной демократии. Не поддержав народное восстание в июньские дни, они через год попытались выступить против правительства Луи Бонапарта, но были легко раздавлены. Немногие оставшиеся во Франции фурьеристы позже занимались кооперативной деятельностью. Историческая роль фурьеризма была исчерпана. Если Фурье, хотя и неосознанно, во многом выражал интересы рабочего класса, то его последователи скатились на позиции мелкой

и средней буржуазии.

«Манифест Коммунистической партии», который возвестил появление на исторической арене научного коммунизма, нового революционного мировоззрения и пролетарской партии, был вместе с тем приговором утопическому социализму, и в частности фурьеризму. Маркс и Энгельс писали: «Значение критически-утопического социализма и коммунизма стоит в обратном отношении к историческому развитию. По мере того как развивается и принимает все более определенные формы борьба классов, это фантастическое стремление возвыситься над ней, это преодоление ее фантастическим путем лишается всякого практического смысла и всякого теоретического оправдания. Поэтому если основатели этих систем и были во многих отношениях революционны, то их ученики всегда образуют реакционные секты. Они крепко держатся старых воззрений своих учителей, невзирая на дальнейшее историческое развитие пролетариата. Поэтому они последовательно стараются вновь притупить классовую борьбу и примирить противоположности. Они все еще мечтают об осуществлении, путем опытов, своих общественных утопий, об учреждении отдельных фаланстеров... и для сооружения всех этих воздушных замков вынуждены обращаться к филантропии буржуазных сердец и кошельков».

Облик грядущего

Сен-Симон оставил гениальный общий эскиз будущего общественного строя, Фурье разрабатывал его элементы с проницательной детализацией. Обе утопии во многом отличаются одна от другой, но имеют важнейшую общую черту: они рисуют социалистическое общество с рядом ограничений, из которых главным является сохранение частной собственности и нетрудового дохода. В обеих системах частная собственность должна, однако, радикально изменить свою природу и быть подчинена интересам коллектива, а нетрудовой доход постепенно приобрести черты трудового.

В настоящее время утопии Сен-Симона и Фурье ценны каждая по-своему. У Сен-Симона и его учеников замечательна идея центрально планируемой в масштабах страны экономики и системы управления ею на коллективных началах. У Фурье — анализ организации труда и жизни в отдельных ячейках социалистического общества.

Рассмотрим экономическую сторону утопии Фурье. Фаланга Фурье — это производственно-потребительское товарищество, сочетающее в себе черты коммуны с чертами обычного акционерного общества. Число участников фаланги вместе с детьми Фурье определял в разных работах от 1500 до 2000 человек. Он считал, что в таком коллективе будет иметь место необходимый и достаточный набор человеческих характеров для оптимального распределения труда как с точки зрения склонностей людей, так и с точки зрения полезного результата. В фаланге сочетается сельскохозяйственное и промышленное производство с преобладанием первого. Промышленность мыслилась Фурье как группа относительно небольших, но высокопроизводительных мастерских. Фабричную систему Фурье решительно отвергал, как порождение строя цивилизации.

Исходный фонд средств производства фаланга получает за счет взносов акционеров. Поэтому в ее состав должны входить капиталисты. Вместе с тем в фалангу принимаются бедняки, которые могут первоначально и не быть акционерами, а делать свой вклад трудом. Собственность на акции является частной. В фаланге сохраняется имущественное неравенство. Однако капиталист, став членом фаланги, перестает быть капиталистом в старом смысле. Общая обстановка созидательного труда вовлекает его в процесс непосредственного производства. Если он обладает талантом руководителя,

инженера, ученого, общество использует его труд в этом качестве. Если нет, он работает по своему выбору в любой «серии» (бригаде). Но поскольку дети богатых и бедных воспитываются в одной здоровой среде, эти различия в следующих поколениях могут сгладиться. Крупные акционеры имеют некоторые привилегии в управлении фалангой. Но они не могут преобладать в руководящем органе, да и роль этого органа весьма ограничена.

Особое внимание уделял Фурье организации общественного труда. Отрицательные стороны капиталистического разделения труда он хотел ликвидировать путем частых переходов людей от одного вида труда к другому. Каждому человеку будет гарантирован известный жизненный минимум, в результате чего труд перестанет быть вынужденным, а станет выражением свободной жизнедеятельности. Появятся совершенно новые стимулы к труду: соревнование, общественное признание, радость творчества.

Богатство и доход общества стремительно возрастут, прежде всего благодаря увеличению производительности труда. Кроме того, исчезнут паразиты, работать будут все. Наконец, фаланга избавится от массы всякого рода потерь и непроизводительных затрат, неизбежных при старом строе. Общество будущего по Фурье — это подлинное общество изобилия, а также общества здоровья, естественности, радости. Аскетизм, который нередко связывался и связывается с представлениями о будущем обществе, был совершенно чужд Фурье.

В фаланге нет наемного труда и нет заработной платы. Распределение продукта труда (в денежной форме) совершается путем выдачи членам фаланги особого рода дивидендов по труду, капиталу и таланту. Весь чистый доход делится на три части: $\frac{5}{12}$ дохода достается «активным участникам работы», $\frac{4}{12}$ — владельцам акций, $\frac{3}{12}$ — людям «теоретических и практических знаний». Поскольку каждый член фаланги обычно относится сразу к двум, а иногда и к трем категориям, его доход складывается из нескольких форм. Оплата труда отдельного члена фаланги различна в зависимости от общественной ценности, привлекательности и неприятности выполняемой им работы. Однако оплата обычного (главным образом физического) труда более или менее уравнивается благодаря участию человека в разных «трудовых сериях»: если, к примеру, человек получает несколько меньше среднего как садовник, зато больше среднего — как конюх или свиляр.

Фактическую долю труда в распределении за счет капитала Фурье рассчитывал несколько увеличить, особенно в тенденции, путем введения дифференцированного дивиденда на акции различного типа. По «рабочим акциям», которые покупаются в ограниченном количестве из мелких сбережений, он предлагал выплачивать высокий дивиденд, а по обычным акциям капиталистов — гораздо более низкий. Подобными методами Фурье пытался примирить свой принцип неравенства, стимулирующего, по его мнению, быстрое развитие и процветание общества, с не менее дорогими его сердцу идеями всеобщего благосостояния и приоритета трудового дохода. Не ликвидировать частную собственность, а превратить всех членов общества в собственников и тем самым лишить частную собственность ее эксплуататорского характера и губительных социальных последствий — вот чего хотел Фурье. Он надеялся, что таким путем быстро исчезнут классовые антагонизмы, классы сблизятся и сольются.

Денежные доходы членов фаланги реализуются в товарах и услугах через торговлю, которая, однако, целиком находится в руках ассоциаций. Организация, выступающая от лица фаланги, ведет также торговлю с

другими фалангами. Общественные арбитры устанавливают цены, по которым в розничной торговле продаются товары.

Важнейшей задачей будущего общества Фурье считал разумную организацию потребления. И здесь перед ним вставала нелегкая задача сочетать неравенство с коллективизмом. Эту задачу он пытался разрешить, рекомендуя отказ от домашнего хозяйства и замену его общественным питанием и обслуживанием, организованным по нескольким разрядам, в зависимости от состоятельности человека. Индивидуальная роскошь станет бессмысленной и смешной, ее заменит роскошь общественных сооружений, увеселений, праздников. Это будет сильно смягчать неравенство в личном потреблении. Впрочем, последнее, став здоровым, разумным и экономичным, сделается и более уравнительным. Например, самые богатые будут иметь не более трех комнат. Большое место в утопии Фурье занимает вопрос о формировании самого человека будущего общества, его психологии, поведения, морали. Сотни страниц сочинений великого утописта посвящены отношениям полов, воспитанию детей, организации досуга, роли искусства и науки.

Гораздо менее подробно рассматривал Фурье общество как объединение многих фаланг. Он почти совершенно игнорировал государственную власть, что позволило впоследствии анархистам принять на вооружение некоторые его идеи. Во всяком случае, фаланги у Фурье находятся в состоянии интенсивного хозяйственного общения и обмена: между ними существует широкое разделение труда.

Система Фурье полна противоречий и зияющих пробелов. С чисто экономической точки зрения многое в фаланге остается неясным и сомнительным, несмотря на стремление Фурье все предусмотреть и регламентировать. Каков характер и масштабы товарно-денежных отношений внутри фаланги? Как обмениваются ее подразделения продуктами своего труда, в частности как передаются в следующие стадии производства сырье и полуфабрикаты? Если здесь нет купли-продажи, а есть лишь какой-то централизованный учет (так можно понять Фурье), то для чего фаланге товарная биржа, которую он подробно описывает?

Неясно, как образуются общественные фонды потребления, которые должны играть в фаланге большую роль (школы, театры, библиотеки, затраты на празднества и т. п.). В фаланге как будто нет ни отчислений из совокупного дохода на подобные цели, ни налогов на личные доходы. У Фурье есть лишь намек, что богачи будут обильно жертвовать на общественные цели.

Еще важнее вопрос о накоплении и его социальных аспектах. Поскольку опять-таки не предусматривается отчислений из совокупного дохода на капиталовложения, фонд накопления, очевидно, может складываться лишь из индивидуальных сбережений членов фаланги, формой которых может быть покупка акций. Но капиталисты из своих высоких доходов (да еще при уравнительности потребления) могут сберегать гораздо больше, чем прочие члены фаланги. Поэтому должна действовать тенденция к концентрации капитала и дохода. Возможно, опасаясь этого, Фурье и предложил описанную выше дифференциацию акций. Но в то же время, заботясь о привлекательности фаланг для капиталистов, он предусматривал возможность владеть акциями «чужих» фаланг. Вернее всего, эта система вновь и вновь рождала бы капитализм и самых настоящих капиталистов.

Эти и многие другие пороки системы Фурье заставляют сделать два главных вывода.

Во-первых, утопический социализм не мог в силу исторических условий

своего возникновения обойтись без мелкобуржуазных иллюзий и быть последовательным в проектах социалистического преобразования общества.

Во-вторых, заведомо обречены на провал все попытки предписать людям будущего обязательный образ действий и поведения, подробно регламентировать их жизнь.

Но не иллюзии и промахи видим мы в первую очередь в трудах Фурье. Гений его заключался в том, что он, опираясь на свой анализ капитализма, показал ряд действительных закономерностей социалистического общества. Научный коммунизм Маркса и Энгельса использовал и развил наиболее ценные и плодотворные идеи Фурье, в том числе идеи об экономической организации будущего общества. Кое-что представляет у Фурье интерес и в свете нашего исторического опыта строительства социализма, наших задач и перспектив. Замечательны мысли Фурье об организации труда, о превращении труда в естественную потребность человека, о соревновании. Фурье поставил проблему уничтожения противоположности между физическим и умственным трудом. Сохраняют свое значение его мысли о рационализации потребления, о расширении сферы общественных услуг, об освобождении женщины от домашнего труда, о свободе и красоте любви людей социалистической эры, о трудовом воспитании подрастающего поколения.

Глава 17

РОБЕРТ ОУЭН И РАННИЙ АНГЛИЙСКИЙ СОЦИАЛИЗМ

«В гостиной был маленький, щедедушный старичок, седой как лунь, с необычайно добродушным лицом, с чистым, светлым, кротким взглядом,— с тем глубоким детским взглядом, который остается у людей до глубокой старости, как отсвет великой доброты.

Дочери хозяйки дома бросились к седому дедушке; видно было, что они приятели.

Я остановился в дверях сада.

— Вот кстати как нельзя больше,— сказала их мать, протягивая старику руку,— сегодня у меня есть чем вас угостить. Позвольте вам представить нашего русского друга. Я думаю,— прибавила она, обращаясь ко мне,— вам приятно будет познакомиться с одним из *ваших патриархов*.

— Robert Owen,— сказал, добродушно улыбаясь, старик,—очень, очень рад.

Я сжал его руку с чувством сыновнего уважения; если б я был моложе, я бы стал, может, на колени и просил бы старика возложить на меня руки...

— Я жду великого от вашей родины,— сказал мне Оуэн,— у вас поле чище, у вас попы не так сильны, предрассудки не так закоснели... а сил-то... а сил-то!»

Так рассказывает А. И. Герцен о своей встрече с Оуэном в 1852 г., когда последнему было за восемьдесят. После характеристики Оуэна, данной основоположниками марксизма (особенно Ф. Энгельсом в «Анти-Дюринге»), эта глава из «Былого и дум», может быть, лучшее, что о нем написано. Характерно, что Маркс, говоря о Сен-Симоне, Фурье и Оуэне, употребил то же слово «патриархи», которое встречается у Герцена.

Разумеется, взгляд Герцена, который сам проповедовал утопический крестьянский социализм, был существенно иной. Но и для Маркса и для Герцена Оуэн был одним из патриархов социализма.

Человек большого сердца

Роберт Оуэн родился в 1771 г. в маленьком городке Ньютаун (Уэльс) в семье мелкого лавочника, потом почтмейстера. В семь лет учитель местной школы уже использовал его как помощника, но еще через два года школьное образование Оуэна навсегда закончилось. С 40 шиллингами в кармане отправился он искать счастья в больших городах. Он служил учеником и приказчиком в мануфактурных магазинах Стэмфорда, Лондона и Манчестера. Книжки удавалось читать только урывками. Подобно Фурье, Оуэн не получил систематического образования, но зато был свободен от многих предрассудков и догм официальной учености.

Манчестер был в это время центром промышленной революции, особенно бурно развивалось здесь хлопчатобумажное производство. Для энергичного и дельного юноши, каким был Оуэн, скоро представилась возможность выйти в люди. Сначала он, взяв у брата взаймы деньги, открыл с одним компаньоном небольшую мастерскую, изготавливавшую прядильные машины, которые в то время быстро внедрялись в промышленность. Потом завел собственное крохотное прядильное предприятие, где работал сам с двумя-тремя рабочими. В 20 лет стал управляющим, а затем и совладельцем большой текстильной фабрики.

Будучи по делам фирмы в Шотландии, Оуэн познакомился с дочерью богатого фабриканта Дэвида Дейла, хозяина текстильной фабрики в поселке Нью-Ланарк, близ Глазго. Брак с мисс Дэйл привел в 1799 г. к переселению Оуэна в Нью-Ланарк, где он стал совладельцем (вместе с несколькими манчестерскими капиталистами) и управляющим бывшей фабрики своего тестя. Как пишет Оуэн в своей автобиографии, он уже давно задумал свой промышленный и социальный эксперимент и прибыл в Нью-Ланарк с твердым планом. Энгельс говорит: «И тут выступил в качестве реформатора двадцатидевятилетний фабрикант, человек с детски чистым благородным характером и в то же время прирожденный руководитель, каких немного».

Оуэн не посягал в то время ни на частную собственность, ни на капиталистическую фабричную систему. Но он поставил своей задачей доказать и доказал, что чудовищное наемное рабство и угнетение рабочих вовсе не являются необходимым условием эффективного производства и высокой рентабельности. Он только создал для рабочих элементарные человеческие условия труда и жизни, и отдача, как в виде повышения производительности труда, так и в виде социального оздоровления, оказалась разительной.

Только! Но надо представить себе, сколько труда, настойчивости, убежденности и мужества потребовало это от Оуэна и его немногих помощников! Рабочий день в Нью-Ланарке был сокращен до 10 с половиной часов (против 13—14 часов на других фабриках), заработная плата выплачивалась также в период вынужденной остановки предприятия по причине кризиса. Были введены пенсии для престарелых, организованы кассы взаимопомощи. Оуэн строил сносные жилища для рабочих и сдавал их за льготную плату. Была организована добросовестная розничная торговля по сниженным, хотя и рентабельным, ценам.

Особенно много сделал Оуэн для детей, облегчив их труд на фабрике, создав школу, куда принимали малышей с двухлетнего возраста. Эта школа явилась прообразом будущих детских садов. Такая забота о детях соответствовала главному принципу, который Оуэн взял у философов XVIII в.: человек таков, каким его делает среда; чтобы сделать человека лучше, надо изменить среду, в которой он вырастает.

Оуэну приходилось вести постоянную борьбу со своими компаньонами,

которые возмущались этими, с их точки зрения, нелепыми идеями и еще более нелепыми затратами и требовали, чтобы вся прибыль распределялась по паям. В 1813 г. ему удалось подыскать новых компаньонов, в числе которых было несколько богатых квакеров и философ Дж. Бентам. Они согласились получать твердый доход в размере 5% на капитал, а в остальном предоставили Оуэну полную свободу действий. К этому времени имя Оуэна было широко известно, а Нью-Ланарк стал привлекать толпы посетителей. Оуэн завел знакомства и нашел покровителей в самых высоких лондонских сферах: его мирная благотворительная деятельность еще мало кого беспокоила, а многим казалась неплохим способом разрешения острых социальных проблем. Первая книга Оуэна «Новый взгляд на общество, или Опыт о принципах образования человеческого характера» (1813 г.) была встречена благожелательно, поскольку ее идеи мало выходили за пределы осторожного реформаторства, особенно в сфере воспитания.

Но филантропия все менее удовлетворяла Оуэна. Он видел, что даже при известных успехах она бессильна разрешить коренные экономические и социальные вопросы капиталистической фабричной системы. Впоследствии он писал: «В немногие годы я сделал для этого населения все, что допускала фабричная система. И хотя бедный рабочий люд был доволен и, сравнивая свою фабрику с другими фабричными предприятиями, а себя с другими рабочими, живущими при старой системе, считал, что с ним обращаются гораздо лучше, чем с другими, и больше о нем заботятся, и был вполне удовлетворен, однако, я понимал, что его существование жалко в сравнении с тем, что можно было бы создать для всего человечества при огромных средствах, находящихся в распоряжении правительств».

Непосредственным толчком для превращения Оуэна из капиталиста-благотворителя в проповедника коммунизма послужили дискуссии 1815—1817 гг., связанные с ухудшением экономического положения Англии, ростом безработицы и бедности. Оуэн представил правительственному комитету свой план облегчения этих трудностей путем создания для бедняков кооперативных поселков, где они трудились бы сообща, без капиталистов-нанимателей. Идеи Оуэна натолкнулись на непонимание и раздражение. Тогда Оуэн обратился прямо к широкой публике. В нескольких речах, произнесенных в Лондоне в августе 1817 г. при значительном стечении народа, он впервые изложил свой план. После этого он продолжал развивать и углублять его. Чем дальше, тем больше перерастал скромный проект, связанный с конкретной проблемой, во всеобъемлющую систему переустройства общества на коммунистических началах. Это переустройство Оуэн мыслил через трудовые кооперативные общины, несколько напоминающие фаланги Фурье, но основанные на последовательно коммунистических началах. Он обрушился с критикой на три опоры старого общества, которые стояли на пути этой мирной революции: на частную собственность, религию и существующую форму семьи. Наиболее полно свои идеи Оуэн высказал в «Докладе графству Ланарк о плане облегчения общественных бедствий», опубликованном в 1821 г.

Выступление против основ буржуазного общества потребовало от Оуэна большого гражданского мужества. Он знал, что вызовет ярость могущественных сил и интересов, но это не остановило его. С беззаветной верой в правоту своего дела он вступил на путь, с которого не сходил до конца дней. В 1817—1824 гг. Оуэн объехал сею Британию, побывал за границей, произнес множество речей, написал массу статей и листовок, неустанно проповедуя свои идеи. До странности наивный при всем своем трезвом реализме, он верил, что власть имущие и богйтые должны быстро по-

нять благотворительность его плана для общества. В эти и последующие годы Оуэн без конца предлагал его правительству Англии и американским президентам, парижским банкирам и русскому парю Александру I.

Все усилия Оуэна были напрасны, хотя находились влиятельные люди, сочувствующие в той или иной мере его планам. В 1819 г. был даже создан комитет по сбору средств для его эксперимента; в состав комитета наряду с герцогом Кентом входил, в частности, Давид Рикардо. Однако собрать удалось лишь малую долю необходимых денег, и затея провалилась.

Разочаровавшись в английском «образованном обществе», не имея связи с рабочим движением тех лет, утратив даже свое влияние в Нью-Ланарке, Оуэн с сыновьями уехал в Америку. Он купил участок земли и основал в 1825 г. общину «Новая гармония», устав которой основывался на принципах уравнительного коммунизма. Практический склад ума и опыт помогли ему избежать многих ошибок, которые делали организаторы других подобных общин. Тем не менее это предприятие, поглотив 40 тыс. фунтов стерлингов — почти все состояние Оуэна, окончилось провалом. В 1829 г. он вернулся на родину. Выделив некоторые средства своим детям (их было семеро), Оуэн в дальнейшем вел очень скромный образ жизни.

К этому времени ему было около 60 лет. Для многих это стало бы концом активной деятельности, уходом на покой. Оуэн, напротив, совершил в 30-х годах то, что оказалось не по силам другим утопическим социалистам: нашел свое место в массовом рабочем движении.

В эти годы бурно росли производственные и потребительские кооперативы, объединявшие ремесленников, а отчасти и фабричных рабочих. Оуэн скоро оказался во главе кооперативного движения в Англии. В 1832 г. он организовал Биржу справедливого обмена труда. Биржа принимала товары (как от кооперативов, так и от других продавцов) по оценке, основанной на затратах труда, и продавала другие товары на «трудовые деньги». В конце концов биржа обанкротилась, и Оуэну пришлось из своих средств покрывать убытки. Оуэн стоит у истоков и другого движения рабочего класса, которому было суждено большое будущее, — профсоюзного. В 1833—1834 гг. он руководил попыткой создания первого всеобщего национального профессионального союза, который объединял до полумиллиона членов. Организационная слабость, недостаток средств, сопротивление хозяев, имевших поддержку правительства, — все это привело союз к распаду. Замечательные начинания Оуэна были роковым образом обречены на неудачу, но ни одно из них не пропало даром.

Разногласия между Оуэном и другими лидерами рабочего движения шли по двум линиям. С одной стороны, для многих из них, осторожных и настроенных делячески, был неприемлем подход к кооперации и профсоюзам как к ступенькам антикапиталистического преобразования общества. С другой стороны, Оуэн отрицал классовую борьбу и политические действия, что уже не удовлетворяло тех людей, которые вскоре образовали костяк чартистского движения. С этим крупнейшим движением рабочего класса 30-х и 40-х годов Оуэн никогда не мог найти общего языка.

Оуэн не был легким человеком в личном общении. Абсолютная убежденность в своей правоте делала его нередко упрямым и нетерпимым. За 30 лет в Нью-Ланарке и в «Новой гармонии» он привык руководить, а не сотрудничать. Он стал мало восприимчив к новым идеям. Обаяние гуманистического энтузиазма в сочетании с деловитостью, которое так отличало Оуэна в молодости и в зрелые годы и привлекало к нему людей, отчасти уступило место навязчивому однообразию речей и мыслей. Сохранив до смерти большую ясность ума, он не избежал старческих странностей. В

последние годы жизни Оуэн увлекся спиритизмом, стал склонен к мистике. Но он сохранил обаяние доброты, которое отметил Герцен. Всю жизнь он очень любил детей. Взгляды Оуэна на воспитание сохраняют значение и в наше время.

После 1834 г. Оуэн не играл большой роли в общественной жизни, хотя продолжал много писать, издавал журналы, участвовал в организации еще одной общины и неутомимо проповедовал свои взгляды. Его последователи образовали узкую секту, нередко выступавшую с довольно реакционных позиций.

Осенью 1858 г. Оуэн, имея от роду 87 лет, поехал в Ливерпуль и на трибуне митинга почувствовал себя плохо. Отлежавшись в течение нескольких дней, он вдруг решил отправиться в свой родной город Ньютаун, где не был с детства. Там он и умер в ноябре 1858 г.

Оуэн и политическая экономия

Отношение Оуэна к политической экономии иное, чем у Сен-Симона и особенно у Фурье. Он не только не отвергает эту науку, но, напротив, утверждает, что его план покоится на ее принципах, имея в виду труды Смита и Рикардо. Энгельс пишет: «Весь оуэновский коммунизм, поскольку он вступает в экономическую полемику, опирается на Рикардо». Оуэн был первым, кто сделал из принципов классической школы антикапиталистические выводы.

Впрочем, из буржуазной классической политэкономии Оуэн брал лишь то, что было ему нужно для его системы, игнорируя и даже прямо отвергая многое другое. Экономических вопросов он касается в своих сочинениях походя, не занимаясь ими специально. Основные его экономические мысли содержатся в «Докладе графству Ланарк». Оуэн был практик и свои экономические идеи пытался осуществить в жизни: сначала в Нью-Ланарке, затем в Америке и, наконец, в кооперативном движении и на Бирже справедливого обмена труда.

В основе взглядов Оуэна лежит трудовая теория стоимости Рикардо: труд есть создатель и мерило стоимости; обмен товаров должен осуществляться по труду. Но в отличие от Рикардо он считает, что фактически при капитализме обмен не совершается по труду. По его мнению, обмен по труду предполагает, что рабочий получает полную стоимость произведенного им товара. В действительности этого нет и в помине.

Но для объяснения нарушения «справедливого» закона стоимости Оуэн обращается к идеям, которые напоминают чуть ли не Буагильбера: во всем виноваты деньги, это искусственное мерило стоимости, вытеснившее мерило естественное — труд.

Политическая экономия Оуэна нормативна в самой предельной степени: все эти соображения нужны ему только для обоснования предлагаемой им меры — введения трудовой единицы в качестве мерил ценности, обмена товаров на основе этого мерил, отказа от употребления денег. Это, по мнению Оуэна, разрешит самые трудные проблемы общества. Рабочий будет получать справедливое вознаграждение за свой труд. Поскольку вознаграждение, получаемое трудящимися, будет соответствовать истинной стоимости товаров, станут невозможны перепроизводство и кризисы. Такая реформа выгодна отнюдь не только одним рабочим, в ней заинтересованы также землевладельцы и капиталисты: «...только труд, правильно вознаграждаемый, дает возможность извлекать прибыль из продажи сельскохозяйственных и промышленных продуктов».

Каким именно образом деньги превращают «справедливый» обмен в

сплошной обман? Чем в конечном счете определяются цены, если товары обмениваются не по количеству труда, заключенного в каждом из них? Откуда возьмутся доходы капиталиста и землевладельца, если рабочий будет получать всю стоимость создаваемого его трудом продукта? Такие вопросы Оуэну можно задавать бесконечно, и даже приближения к ответу мы у него не найдем.

Экономические взгляды Оуэна были бы, очевидно, несколько не выше мелкобуржуазных иллюзий об устранении зол капитализма путем реформы одной лишь сферы обращения, особенно путем устранения денег, если бы они не были у него неразрывно связаны с его планом радикального преобразования общества, включая производственные отношения. Оказывается, справедливый обмен по трудовой стоимости требует ликвидации капиталистической системы! Лишь в будущем обществе без частной собственности рабочий будет отдавать свой труд «по полной стоимости». В таком случае отпадает и вопрос о капиталистах и землевладельцах. Они выиграют от переустройства общества не как капиталисты и землевладельцы, а *как люди*. Конечно, исторический характер товарного производства и закона стоимости для Оуэна совершенно неясен. Для него это столь же вечные и естественные явления, как для Рикардо. Но Рикардо делал отсюда вывод о вечности и естественности капитализма, а Оуэн — прямо противоположный вывод: о его «временности» и «противоестественности». Для Оуэна неприемлем и исторический пессимизм рикардизма, который он не без основания связывал с влиянием Мальтуса и его теории народонаселения. Оуэн выступал против этой теории. Приводя данные о фактическом и потенциальном росте производства, в частности сельскохозяйственного, он заявлял, что не природа виновата в бедности людей, а общественное устройство.

Коммунизм Оуэна

Маркс и Энгельс отличали утопию Оуэна от других утопий той эпохи, подчеркивая ее *коммунистический* характер. У Маркса читаем: «В рикардовский период политической экономии перед нами выступают вместе с тем и противники [буржуазной политической экономии] — коммунизм (Оуэн) и социализм (Фурье, Сен-Симон)...» У Энгельса: «Переход к коммунизму был поворотным пунктом в жизни Оуэна». Как мы видели, системы Сен-Симона и Фурье не были до конца социалистическими. В их будущем обществе оставалась частная собственность с теми или иными ограничениями, оставались и капиталисты, в той или иной форме распоряжающиеся средствами производства и получающие доход от капитала. Система Оуэна не только носит последовательно-социалистический характер, но и рисует вторую, высшую фазу коммунизма, где полностью ликвидирована частная собственность и даже всякие классовые различия, существует обязательность труда для всех и, на основе роста производительных сил, распределение по потребностям. Оуэнова утопия совершенно лишена религиозной и мистической окраски, ее отличает известный реализм, порой даже деловой прагматизм. От этого система Оуэна не становится, конечно, менее утопичной. Как Сен-Симон и Фурье, он не видел действительных путей, которые ведут в коммунистическое общество.

Важно другое. Пример Оуэна показывает, что идеалы коммунизма вырастают из реальных условий более развитого общества, каким была Англия начала XIX в. Оуэн свободен от многих мелкобуржуазных иллюзий французских социалистов. У него нет сомнения в эксплуататорской сущности класса капиталистов и в необходимости

полной ликвидации частнокапиталистической собственности. Основываясь на фабричной системе, он гораздо яснее видел конкретные пути такого роста производительности труда, который позволил бы создать действительное изобилие и ввести распределение по потребностям. Коммунизм Оуэна резко и выгодно отличается от периодически появляющихся и, к сожалению, не потерявших актуальности в наше время проектов грубого, аскетически уравнилельного, «казарменного» коммунизма. Он мечтал об обществе, где одновременно с огромным ростом производства и богатства будет гармонично развиваться и сам человек, где неизмеримо возрастет ценность человеческой личности. Оуэн одним из первых показал, что, вопреки клевете наемников буржуазии, *коммунизм и гуманизм не взаимоисключающие понятия. Наоборот, подлинный гуманизм расцветает в подлинно коммунистическом обществе.*

Ячейкой коммунистического общества у Оуэна является небольшая кооперативная община с желательным числом членов от 800 до 1200. Частная собственность и классы в общинах полностью отсутствуют. Единственное различие, которое может создавать известное неравенство и в труде и в распределении,— это «различие в возрасте и опытности». Механизм распределения Оуэн почти не описывает, делая (опять-таки подобно Фурье) несколько неясных замечаний об обмене продуктами по труду внутри общины и ограничиваясь указанием, что при изобилии «каждому можно будет разрешать свободное получение из общих складов всего ему потребного».

Много внимания Оуэн уделяет формированию нового человека, причем изменение психологии он связывает прежде всего с материальными факторами — ростом богатства и удовлетворения потребностей. Как следствие того и другого, «всякое стремление к индивидуальному накоплению должно исчезнуть. Индивидуальное накопление богатств будет представляться людям столь же неразумным, как накопление воды в условиях, когда этой необходимой жидкости имеется больше, чем ее можно потребить».

Выходя за пределы общины, Оуэн пытается обрисовать общество, объединяющее большое количество таких ячеек. Между ними существует значительное разделение труда, а взаимный обмен осуществляется на основе трудовой стоимости. Для целей этого обмена какой-то союз общин будет выпускать особые трудовые бумажные деньги под обеспечение товарами на складах. В представлении Оуэна это новое общество должно было в течение какого-то времени сосуществовать со «старым обществом» и его государством, платить последнему налоги и продавать этому обществу товары на обычные деньги.

Оуэн обходил важнейший вопрос о том, каким образом, от кого получают общины исходные средства производства, в том числе землю. Его иногда можно понять в том наивном смысле, что средства производства будут безвозмездно переданы общинам государством или разумными капиталистами. Но в другом месте он более реалистично говорит, что членам общины придется «оплачивать проценты на капитал, потребный для того, чтобы дать им работу». Выходит, от капиталистов общинам избавиться не удастся. В лучшем случае общины могут сохранить при себе предпринимательский доход, поскольку сами будут управлять производством, но ссудный процент — отдай!

Система Оуэна утопична и потому полна противоречий и непоследовательностей. Общая причина этого нам известна: незрелость классовых отношений исключала для утопистов возможность разработать

действительный путь переустройства общества. Для этого надо было понимать историческую роль рабочего класса, понимать необходимость и закономерность социалистической революции. Такое понимание было объективно невозможно для Оуэна, как и для других утопистов.

Но без их ошибок, как и без их достижений был бы невозможен тот прогресс в общественной науке, который уже при жизни Оуэна привел к возникновению марксизма.

Мыслители рабочего класса

Экономические трудности Англии после наполеоновских войн и «бойня при Питерлоо», первые фабричные законы и профсоюзы, утверждение рикардизма и агитация Оуэна — такова социально-экономическая и идейная обстановка, в которой выступают люди, впервые сознательно выражающие в политической экономии интересы рабочего класса. Они не были последовательны и во многом скатывались к мелкобуржуазному реформистскому социализму. Тем не менее их заслуги велики. Эти английские социалисты 20-х и 30-х годов представляют собой важнейшее связующее звено между классической политэкономией и утопическим социализмом, с одной стороны, и научным социализмом Маркса и Энгельса — с другой.

В истории политической экономии роль этих людей определяется тем, что они, в противовес буржуазным «наследникам» Смита и Рикардо, попытались сделать из их учения прогрессивные, антибуржуазные выводы. Они были порой больше экономистами, чем Оуэн, и пытались развивать рикардианскую систему в более строгих научных формах, хотя часто их сочинения были непосредственно посвящены конкретным задачам рабочего движения тех лет. Наиболее заметными в этой группе социалистов-рикардизмов (так их иногда называют) были Уильям Томпсон, Джон Грей, Джон Френсис Брей. Особенно важную роль сыграл Томас Годскин, которому принадлежат замечательные мысли о природе капитала, об отношениях капитала и труда, о тенденциях нормы прибыли при капитализме. Главные его сочинения вышли в 1825 г. («Защита труда от притязаний капитала») и в 1827 г. («Популярная политическая экономия»).

Социалисты принимали трудовую теорию стоимости в том виде, какой ей придал Рикардо. Они доводили до логического конца и основной вывод из нее. Стоимость товаров создается только трудом. Следовательно, прибыль капиталиста и рента лендлорда представляют собой прямой вычет из этой стоимости, естественным образом принадлежащей рабочему. Сделав этот вывод, они увидели в классической политэкономии противоречие: как же она может, основываясь на таких принципах, считать в то же время естественной и вечной систему капитализма, эксплуатацию труда капиталом?

Маркс вкладывает в уста пролетарским противникам буржуазных политикоэкономов следующую тираду: «Труд есть единственный источник меновой стоимости и единственный активный созидатель потребительной стоимости. Так говорите вы. С другой стороны, вы говорите, что *капитал* — это все, а рабочий — ничто, или что рабочий представляет собой просто одну из статей издержек производства капитала. Вы сами себя опровергли. Капитал есть околпачивание рабочего — и больше *ничего*. Труд есть *все*».

Эту «речь» можно продолжить примерно так. Вы, говорят социалисты буржуазным политикоэкономам, утверждаете, что без капитала труд не может производить. Но ведь в вашем представлении капитал — это вещь: машины, сырье, запасы. В таком случае капитал совершенно мертв без нового живого труда. Как же капитал может претендовать на прибыль, на долю

созданной трудом стоимости, если он только вещь? Значит, он претендует не как вещь, а как некая социальная сила. Что это за сила? Это частная капиталистическая собственность. Лишь в качестве частной собственности, выражающей определенное устройство общества, капитал приобретает власть над трудом. Рабочему надо есть и пить, а для этого ему надо работать. Но работать он может только с разрешения капиталиста, при помощи его капитала.

Почти дословно так и говорит Годскин в том месте, о котором Маркс заметил: «Здесь, наконец, правильно схвачена природа капитала». Это значит: здесь есть понимание капитала как общественного отношения, которое сводится к эксплуатации наемного труда.

У английских экономистов-социалистов имеются и другие важные научные заслуги. Они ближе, чем Рикардо, подошли к пониманию прибавочной стоимости как всеобщей формы дохода на капитал. Они первыми выступили против буржуазно-апологетической теории рабочего фонда. Однако критика буржуазной политэкономии социалистами содержала существенные слабости, отражавшие историческую ограниченность и утопизм их взглядов. Если Смит и Рикардо видели в капитализме осуществление естественных и вечных законов, то социалисты — нарушение этих самых законов. Они, как и буржуазные классики, опирались на унаследованные от XVIII в. идеи естественного права, но только по-своему толковали это право. Такой социализм мог быть только утопическим.

Подобно Оуэну, эти авторы считали, что обмен между трудом и капиталом происходит в нарушение закона трудовой стоимости. Они справедливо отвергали экономическое обоснование прибыли буржуазной наукой, но не могли дать вместо этого подлинно научный анализ. Поскольку прибыль на капитал не уместилась в их системе в рамки «естественных» экономических законов, им приходилось для объяснения прибыли обращаться к насилию, обману и другим неэкономическим факторам. Вследствие этого и обоснование смены капитализма социалистическим строем приобретало у них во многом этический характер: должна, мол, быть восстановлена справедливость. Суть справедливости заключалась в том, что рабочий должен получать полный продукт своего труда.

Этому «полному (неурезанному) продукту труда» была суждена долгая жизнь. Требование это с самого начала было утопическим: даже в развитом социалистическом обществе трудящиеся не могут получать «полный продукт» в свое личное потребление, так как тогда не оставалось бы средств на накопление, общественные нужды, содержание аппарата управления, престарелых, малолетних и т. п. Суть дела при капитализме заключается в наличии особого класса эксплуататоров, безвозмездно присваивающего прибавочный продукт, а не в том, что рабочие не получают полный продукт труда. Тем не менее в 20-х и 30-х годах XIX в. этот лозунг имел прогрессивное значение, так как содействовал борьбе рабочего класса, которая только еще начиналась. Другое дело — через полвека, когда Марксу пришлось критиковать германскую социал-демократию за использование в совсем других условиях этого утопического, ненаучного лозунга.

От утопии к науке

Ко времени переезда Маркса в Англию (1849 г.) британская социалистическая литература насчитывала три десятилетия и была представлена многочисленными сочинениями. Маркс продолжал в последующие годы ее пристальное изучение, начатое им в Брюсселе. Труды этих английских социалистов, как и идеи Сен-Симона, Фурье и Оуэна,

образуют то наследие предшествующих мыслителей, которое было использовано Марксом при создании его революционного учения об обществе.

«...Первоначальный социализм,— писал В. И. Ленин в статье «Три источника и три составных части марксизма»,— был *утопическим* социализмом. Он критиковал капиталистическое общество, осуждал, проклинал его, мечтал об уничтожении его, фантазировал о лучшем строе, убеждал богатых в безнравственности эксплуатации.

Но утопический социализм не мог указать действительного выхода. Он не умел ни разъяснить сущность наемного рабства при капитализме, ни открыть законы его развития, ни найти ту *общественную силу*, которая способна стать творцом нового общества».

Эти великие задачи были решены марксизмом. Маркс и Энгельс превратили социализм из утопии в науку. Для этого было необходимо, взяв из утопического социализма его прогрессивную, революционную сторону, преобразовать и развить ее на основе высших достижений общественных наук первой половины XIX в. Такими достижениями были немецкая классическая философия и английская классическая буржуазная политэкономия. Учение марксизма выросло из критической переработки всей суммы идей, развитых в общественных науках самыми передовыми мыслителями предшествующей эпохи.

Краеугольным камнем экономического учения Маркса является теория прибавочной стоимости. Она объясняет самую суть капиталистического способа производства — эксплуатацию наемного труда капиталом. Как показали классики марксизма-ленинизма, мыслители начала XIX в., особенно Рикардо и его социалистические толкователи, близко подошли к пониманию прибавочной стоимости. Однако, по существу правильно описывая прибавочную стоимость как вычет в пользу владельцев капитала и земли из созданной трудом стоимости продукта, они не шли дальше этого. Политикоэкономы классической школы, считая это положение естественным и вечным, пытались докопаться лишь до количественных пропорций, в каких происходит распределение стоимости между трудом и капиталом. Социалисты же находили это распределение несправедливым и разрабатывали утопические проекты устранения несправедливости.

То, что было для них конечным пунктом, для Маркса послужило лишь исходной точкой исследования. Объяснив, как возникает прибавочная стоимость на основе объективных закономерностей капиталистического способа производства, он построил цельное и глубокое экономическое учение. Маркс открыл закон развития капитализма и научно обосновал главную тенденцию этого развития — тенденцию к революционной замене капиталистического способа производства социализмом и коммунизмом. Маркс показал, что рабочий класс является той общественной силой, которая совершит эту революцию и станет творцом нового общества.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Александр Македонский — царь Македонии в 336—323 гг. до н. э.— 18.

Александр I — российский император в 1801—1825 гг.— 216, 335.

Анфантен (Enfantin), Бартеlemi Проспер (1796—1864) — французский социалист-утопист, последователь Сен-Симона.—332, 335.

Аристотель (384—322 до н. э.) — древнегреческий мыслитель, автор философских, естественнонаучных и социально-экономических сочинений.— 16—25, 29, 38, 46, 92, 293.

Афанасьев, Владилен Сергеевич — советский историк экономической мысли.— 6, 201.

Базар (Hazard), Сент-Аман (1791—1832) — французский социалист-утопист, последователь Сен-Симона.— 332, 335.

Байрон (Byron). Джордж Гордон (1788—1824)—английский поэт.— 222. 260.

Баклю (Bucclench), Генри Скотт (1746—1812) —герцог, воспитанник А. Смита.— 182, 185, 217.

Бальзак (Balzac), Оноре (1799—1850) — французский писатель.— 303, 304.

Барбон (Barbon), Николас (1640—1698) — английский экономист, критик меркантилизма, по ряду вопросов предшественник классической школы.—130.

Бароне (Bagone), Энрико (1859—1924) — итальянский буржуазный экономист.— 319.

Бастиа (Bastiat), Фредерик (1801—1850) — французский экономист и публицист, защитник свободы торговли, автор концепции гармонии классовых интересов в буржуазном обществе.— 124, 150, 283, 309.

Беккариа (Beccaria), Чезаре Боназана (ок. 1738—1794) — итальянский философ, юрист и экономист.— 130.

Белл (Bell), Джон Фред (р. 1898) — американский буржуазный экономист и историк экономической мысли. – 16, 20, 24, 206.

Бем-Баверк (Bohm-Bawerk), Евгений (1851—1914) – австрийский буржуазный экономист, представитель субъективной школы в политической экономии. – 124–125.

Бентам (Bentham), Джереми (1748–1832) – английский философ, основатель утилитаризма. – 262, 263, 353.

Беранже (Beranger), Пьер-Жан (1780-1857) — французский поэт.— 340.

Берне (Burns), Роберт (1759— 1796) — шотландский поэт.— 180, 217.

Влан (Blanc), Луи (1811— 1882) — французский публицист, историк и политический деятель, представитель мелкобуржуазного социализма.—111, 116.

Блок, Александр Александрович (1880—1921) — русский поэт.— 260.

Блэк (Black), Джозеф (1728— 1799) — британский (шотландский) химик и физик.— 175, 218.

Блюмин, Израиль Григорьевич (1898—1959) — советский экономист и историк экономической мысли.— 215, 263, 320.

Бойль (Boyle), Роберт (1627— 1691) —английский физик и химик.— 53, 79.

Бонапарт (Bonaparte), Луи (1808—1873) — французский политический деятель, в 1852—1870 гг.— император Наполеон III.— 114, 345.

Бонапарт (Bonaparte), Наполеон (1769—1821) — французский генерал, с 1799 г.— первый консул, с 1804 г.— император.— 220, 290, 302, 305— 307,

335.

Босуэл (Boswell), Джеймс (1740—1795) — английский писатель-мемуарист.— 197.

Брей (Gray), Джон Френсис (1809—1897) — английский экономист, социалист-утопист.— 362.

Бронте (Bronte), Шарлотта (1816—1855) — английская писательница.— 303.

Буагильбер (Boisguillebert), Пьер Лепезан (1646—1714) — французский экономист и статистик, родоначальник классической буржуазной политической экономии во Франции.— 10, 82—98, 112, 115, 116, 130, 141, 325, 358.

Бэджгот (Bagehot), Уолтер (1826—1877) — английский публицист и экономист. — 172, 198.

Бэкон (Bacon), Френсис (1561—1626) — английский философ-материалист, естествоиспытатель, историк и политический деятель.— 43, 52.

Буффон (Buffon), Жорж Луи Леклерк (1707—1788) — французский естествоиспытатель, биолог.—146.

Вайнер (Viner), Джекоб (р. 1892) — американский буржуазный экономист и историк экономической мысли.— 188.

Вальрас (Walras), Мари Эспри Леон (1834—1910) — французский буржуазный экономист, один из основателей математической школы в политической экономии.— 32.

Васко да Гама (Vasco da Gama), (1469—1524) — португальский мореплаватель, открывший морской путь в Индию.— 100.

Вашингтон (Washington), Джордж (1732—1799) — американский военный и политический деятель, первый президент США,— 325.

Визер (Wieser), Фридрих(1851—1926) — австрийский буржуазный экономист, представитель субъективной школы в политической экономии.— 32.

Вильгельм III (William) — английский король в 1689—1702 гг.— 100, 122, 125.

Вобан (Vauban), Себастьян ле Претр (1633—1707) — французский маршал, военный инженер, автор политических и экономических сочинений.— 84, 98.

Вольтер (Voltaire), Франсуа Мари Аруэ (1694—1778) — французский писатель, историк и философ.—126, 159, 169, 176, 182-183, 194, 215.

Воронцова-Дашкова, Екатерина Романовна (1743—1810) — русская научная и общественная деятельница, президент Академии наук.— 218.

Галиани (Galiani), Фердинандо (1728—1787)—итальянский экономист, по ряду вопросов предшественник субъективной школы в политической экономии.— 130, 153.

Гарнье (Gamier), Жермен (1754—1821) — французский экономист, переводчик А. Смита.—214.

Гаррик (Garrick), Давид (1717—1779) — английский актер и режиссер.— 186.

Гаскелл (Gaskell), Элизабет (1810—1865) — английская писательница.— 303.

Гельвеций (Helvetius), Клод Адриан (1715—1771)—французский философ-материалист.— 130, 146, 182, 186, 262.

Герцен, Александр Иванович (1812—1870) — русский революционер-демократ, философ и писатель.— 335, 351—352, 356.

Гете (Gothe), Иоганн Вольфганг (1749—1832) — немецкий писатель.— 98.

Гоббс (Hobbes), Томас (1588— 1679) — английский философ-материалист, автор социально-политических сочинений.— 43, 57, 130.

Годвин (Godwin), Уильям (1756—1836) — английский философ, политический писатель и беллетрист.— 264.

Годскин (Hodgskin), Томас (1787—1869) — английский экономист, социалист-утопист.— 362—364.

Гольбах (Holbach), Поль Анри (1723—1789) — французский философ, материалист и атеист.—146, 182, 186.

Госсен (Gossen), Герман Генрих (1810—1858) — немецкий экономист, ранний представитель субъективной школы в политической экономии.— 53.

Граунт (Graunt), Джон (1620— 1674) — английский купец, один из основателей статистической науки.— 74.

Грей (Gray), Александр — современный шотландский социолог и историк.— 172.

Грей (Grey), Джон (1798— 1850) — английский экономист, социалист-утопист.— 362.

Гурнэ (Gournay), Жан Клод Мари Венсан (1712—1759) — французский государственный деятель и экономист.— 93, 130, 160.

Давенант (Davenant), Чарлз (1656—1714) — английский экономист и статистик, сторонник меркантилизма.— 72.

Д'Аламбер (d'Alembert), Жан Лерон (1717—1783) — французский математик и философ.— 138, 141, 146, 153, 159, 160, 182, 185.

Дарвин (Darwin), Чарлз Роберт (1809—1882) — английский естествоиспытатель, основоположник эволюционной теории в биологии.—266.

Д'Аржансон (d'Argenson), Ренэ Луи (1696—1757) — французский политический деятель и писатель.— 93.

Демаре (Desmarests), Никола (1650—1721) — французский государственный деятель.— 91.

Дени (Denis), Анри — современный французский историк экономической мысли.— 94.

Дефо (Defoe), Даниэль (ок. 1660—1731) — английский писатель и публицист, автор «Робинзона Крузо» и ряда исторических, политических и экономических сочинений.—56, 121—123, 125.

Джевонс (Jevons), Уильям Стэнли (1835—1882)—английский буржуазный экономист и философ, один из основателей математической школы в политической экономии.— 32, 53, 274.

Джонсон (Johnson), Сэмюэл (1709—1784) — английский писатель, составитель толкового словаря.—197.

Дидро (Diderot), Дени (1713— 1784) — французский писатель и философ.— 141, 142, 146, 152, 160, 195.

Диккенс (Dickens), Чарлз (1812—1870) — английский писатель.— 240.

Драйзер (Dreiser), Теодор (1871—1945) — американский писатель.— 115.

Дуглас (Douglas), Пол Говард (р. 1892) — американский буржуазный экономист и политический деятель.— 204, 311.

Дюпон де Немур (Dupont de Nemours). Пьер Самюэль (1739—1817) — французский политический деятель, публицист и экономист, представитель

школы физиократов. —143, 151, 154, 161—162, 182—183.

Дюринг (Duhring), Евгений Карл (1833—1921)—немецкий философ и экономист, представитель реакционного мелкобуржуазного социализма.— 42.

Елизавета I (Elisabeth) — английская королева в 1558— 1603 гг.— 40.

Жамс (James), Эмиль (р. 1899) — французский буржуазный экономист и историк экономической мысли.— 33.

Жид (Gide), Шарль (1847-1932) — французский историк экономической мысли.— 309.

Зибер, Николай Иванович (1844—1888) — русский экономист, один из первых популяризаторов экономических трудов Маркса в России.— 255.

Зильберфарб, Иогансон Исаакович — советский историк общественной мысли.— 336.

Золя (Zola), Эмиль (1840— 1902) — французский писатель.—115.

Иаков I (James) — английский король в 1603—1625 гг.—40, 174.

Иаков II (James) — английский король в 1685— 1688 гг. — 70, 78, 122.

Кантильон (Cantillon). Ричард (1680—1734) — английский банкир, автор экономического сочинения, в котором он выступает предшественником физиократов и А. Смита. — 53, 130, 133.

Карл I (Charles) — английский король в 1625—1649 гг.—41.

Карл II (Charles) — английский король в 1660— 1685 гг.—52, 61, 69—70, 78, 132.

Карлейль (Garlyle), Томас (1795—1881) — английский писатель, историк и философ.— 261, 280.

Кеймс (Kames), Генри Хьюм (1696—1782) — британский (шотландский) юрист и философ.— 178.

Кейнс (Keynes), Джон Мейнард (1883—1946) — английский буржуазный экономист, сторонник государственного регулирования капиталистической экономики.—47—50, 98, 102, 116—117, 126, 128— 129, 271, 313.

Кенэ (Quesnay), Франсуа (1694—1774) — французский экономист (врач по профессии), основатель школы физиократов.—4, 5, 11, 53, 130, 140—157, 182-184, 199, 208, 253, 258; и Буагильбер.—141; о классовой структуре общества.— 149—150; и Ло.— 115; и медицина.— 143—146; и Смит.— 149, 154; и теория воспроизводства.— 149, 154— 157; и теория чистого продукта.— 147—148; и Тюрго.— 152, 158—160, 162—164; и физиократия.— 147—154.

Кеплер (Kepler), Иоганн (1571—1630)—немецкий астроном и математик.— 336.

Кинг (King), Грегори (1648— 1712) — английский экономист и статистик, последователь Петти.— 61—62, 74.

Кларк (Clark), Джон Бейтс (1847—1938) — американский буржуазный экономист, автор апологетической теории распределения.— 32.

Колумб, Христофор (1451—1506) — мореплаватель, открывший Америку,— 62.

Кольбер (Colbert), Жан Батист (1619—1683) — французский государственный деятель, проводивший политику меркантилизма.—44, 83, 85, 91.

Кондильяк (Condillac), Этьен Бонно (1715—1780) — французский философ и экономист, по ряду вопросов — предшественник субъективной школы в политической экономии.— 130, 146.

Кромвель (Cromwell), Оливер (1599—1658) — английский

политический деятель, в 1650—1658 гг.— глава государства (протектор).—52, 61.

Ксенофонт (ок. 430 — ок. 354 до н. э.) — древнегреческий историк, философ, автор социально-экономических сочинений.— 16, 17, 24, 29.

Курно (Cournot), Антуан Огнь-стен (1801—1877) — французский математик, философ и экономист, впервые широко применивший в экономическом исследовании математические методы.— 245— 246, 302, 314—321.

Кэзман (Carman), Эдвин (1861—1935) — английский буржуазный экономист, историк экономической мысли.— 181, 183.

Кэри (Carey), Генри Чарлз (1793—1879) — американский экономист, автор концепции гармонии классовых интересов в буржуазном обществе.— 124, 150, 247.

Ланге (Lange), Оскар (1904— 1965) — польский экономист.— 322.

Ларошфуко (Larochefoucauld) Франсуа (1613—1680) — французский писатель-моралист.— 140.

Лассаль (Lassalle), Фердинанд (1825—1864) — немецкий мелкобуржуазный социалист, автор ряда социально-экономических сочинений.— 246.

Лафарг (Lafargue), Поль (1842—1911) — французский социалист, ученик и соратник К. Маркса и Ф. Энгельса, пропагандист марксизма.— 323.

Лежандр (Legendre), Франсуа (XVIII в.) — французский купец, которому приписывается термин *laissez faire*.— 93.

Лейбниц (Leibnitz), Готфрид Вильгельм (1646—1716)—немецкий математик и философ.— 179.

Лемерсье (или Мерсье) де ла Ривьер (Lemercier de la Riviere), Поль Пьер (1720— 1793) — французский экономист, представитель школы физиократов.— 152.

Ленин, Владимир Ильич (1870—1924): о буржуазных экономистах.—8; о законе стоимости.— 19, 22; о Мальтусе.— 270; о Марксе.— 5; о Сисмонди.—288, 294—295; о социологии творчества.— 76; о стимулах к труду.— 192— 193; о теории воспроизводства.—156; об утопическом социализме.— 365.

Лилберн (Lilburne), Джон (1614—1657) — английский политический деятель, вождь левого крыла в буржуазной революции XVII в.—52.

Лист (List), Фридрих (1789— 1846) — немецкий буржуазный экономист и публицист, критик классической школы.— 29.

Ло (Law), Джон (1671— 1729) — шотландский экономист и финансист-практик, действовал во Франции.—10, 46, 91, 98—117, 130, 137, 141, 159, 325.

Лодердейл (Lauderdale), Джеймс Мейтленд (1759— 1839) — английский политический деятель и экономист, критик А. Смита.— 213.

Локк (Locke), Джон (1632— 1704) — английский философ и экономист, ранний представитель буржуазной классической политической экономии.— 10, 44, 53, 118, 130— 133, 137, 186.

Луи Филипп (Louis Philippe), французский король в 1830—1848 гг. — 303.

Любимов, Николай Николаевич (р. 1894) — советский экономист,— 128.

Людовик XIV (Louis) — французский король в 1643— 1715 гг. — 37, 69, 71, 82—83, 85—87, 104, 165.

Людовик XV (Louis) — французский король в 1715— 1774 гг. — 143, 146, 159, 161, 165.

Людовик XVI (Louis) — Французский король в 1774— 1792 гг. — 144, 159, 165, 169.

Мазарини (Mazzarini), Джулио Раймондо (1602—1661) — французский государственный деятель.—83.

Мак-Куллох (MacCulloch), Джон Рамси (1789—1864) — британский (шотландский) экономист, буржуазный последователь Рикардо.— 42, 53—54, 251, 253, 272, 273, 283.

Маколей (Macaulay), Томас Бабингтон (1800—1859) — английский историк и политический деятель.—126.

Мальтус (Malthus), Томас Роберт (1766—1834) — английский экономист, идеолог землевладельцев, автор буржуазно-апологетической теории народонаселения.— 11, 73, 126, 129, 130, 213, 221, 223, 226, 231—232, 236, 239, 246, 251, 253, 257, 259, 261, 263—271, 282, 295, 312, 314, 359.

Ман (Mun), Томас (1571— 1641) — английский купец и экономист, представитель меркантилизма.— 10, 38—44, 46, 130, 132.

Мандевиль (Mandeville), Бернард (1670—1733) — английский политический писатель и публицист.— 125—131, 186, 197.

Марат (Marat), Жан Поль (1743 — 1793) — деятель французской буржуазной революции, публицист.—140.

Маркс (Marx), Карл (1818— 1883): об акционерных обществах.—107; о Буагильбере.— 82, 86, 93, 96—97; о вульгарной политической экономии,— 6, 281, 283—284, 302, 309; о Кантильоне.—53; и Кейнс.— 48; и классическая буржуазная политическая экономия.—4—5, 12, 82—83, 96, 118, 130, 165, 259, 366; о Ло.— 104, 114, 115; о Мальтусе.— 266; о Мандевиле.— 126, 127, 129; и математические методы в экономике.— 323; о меркантилизме.— 42, 44; и общественная мысль.— 6—9; об Оуэне.—351; о первоначальном накоплении.— 35; о Петти.— 53-55, 63-64, 73, 81, 86; о производственных отношениях.—14; о религии.— 159; и Рикардо.— 32, 205, 227, 229, 233, 235, 239, 244—245, 248, 255—257, 259, 272—273; о робинзонадах.— 121, 124; о Сен-Симоне.— 331; о Сисмонди.— 294; и Смит.—183, 189—191, 197—200, 203, 205—211, 215, 255, 259; и Сэй.— 283, 302; и теория воспроизводства и кризисов.— 155—156, 257, 297—301; и теория денег.— 139, 229, 256; и теория земельной ренты.— 248, 257; и теория прибавочной стоимости.—209, 256, 366; и теория прибыли.— 275— . 277; и теория стоимости.—21, 33, 96, 206, 239, 256, 259; и теория средней прибыли и цены производства.— 256, 274, 285; о Тюрго.— 142—143, 162, 167; и утопический социализм.— 324, 336, 345—346, 350—352, 359, 362—366; о физиократии.—115, 147—148, 154— 155, 183; о Фурье.— 341, 343; и Чернышевский.— 158, 280, 281; об экономической мысли в Древней Греции.— 17.

Мармонтель (Marmontel), Жан Франсуа (1723—1799) — французский писатель.— 154.

Маршалл (Marshall), Альфред (1842—1924) — английский буржуазный экономист, пытавшийся в своей системе примирить наследие Рикардо с субъективной школой.— 204, 274, 276, 282, 310.

Менгер (Menger), Карл (1840— 1921) — австрийский буржуазный экономист, один из основателей субъективной школы в политической эконо-

номии.— 32.

Меринг (Mehrmg), Франц (1846—1919)—деятель левого крыла германской социал-демократии, публицист и историк, биограф Маркса.— 82.

Милейковский, Абрам Герасимович (р. 1911)—советский экономист.— 300.

Милль (Mill), Джеймс (1773— 1836) — английский философ и экономист, буржуазный последователь Рикардо.— 26—227, 231, 238, 251, 253, 272—273, 278—279, 312.

Милль (Mill), Джон Стюарт (1806—1873) — английский буржуазный философ и экономист, пытавшийся в своей системе примирить интересы буржуазии и рабочего класса.— 263, 277—287, 308.

Мирабо (Mirabeau), Виктор Рикетти (1715—1789)—французский экономист, представитель школы физиократов.—142, 146, 152, 153, 195.

Мирабо (Mirabeau), Оноре Габриэль Рикетти (1749—1791)—французский политический деятель.—165.

Мисселден (Misselden), Эд-вард (1-я пол. XVII в.) — английский купец, публицист и экономист, представитель меркантилизма.— 39.

Мольер (Moliere), Жан Батист Поклен (1622—1673) — французский драматург.— 11.

Монкретьен (Montchretien), Антуан (ок. 1575—1621) — французский купец и экономист, представитель меркантилизма, автор термина «политическая экономия».— 10, 26—29, 39, 42.

Монтескье (Montesquieu), Шарль де Секонда (1689—1755) — французский писатель, философ и историк.— 104, 113, 176, 215.

Морган (Morgan), Джон Пирпонт (1837—1913) — американский банкир, основатель финансово - монополистической группы.— 115, 225.

Морелле (Morellet), Андре (1727—1819) — французский писатель, публицист, экономист, по экономическим взглядам был близок к Тюрго. — 159, 182, 195.

Морена (Maurepas), Жан Фредерик Фелипо (1701—1781) — французский государственный деятель.— 166, 168.

Моруа (Maurois), Андре (1885—1967) — французский писатель.— 173.

Мэсси (Massie), Джозеф (ум. 1784) — английский экономист и публицист, предшественник Смита.— 44, 136.

Мюрдаль (Myrdal), Гуннар (р. 1898) — шведский буржуазный экономист.— 236.

Найт (Knight), Фрэнк (р. 1885) — американский буржуазный экономист.— 310.

Неккер (Necker), Жак (1732— 1804) — французский политический деятель, финансист.— 291, 294.

Немчинов, Василий Сергеевич (1894—1964) — советский экономист и статистик.— 155—156, 322—323.

Норс (North), Дадли (1641— 1691) — английский купец и экономист, ранний представитель классической школы.—44, 118, 130—133.

Ньютон (Newton), Исаак (1642—1727) — английский физик, математик, астроном. — 11, 53, 78, 131, 140, 179, 220, 336.

Онкен (Oncken), Август (1844—1911)—немецкий экономист, статистик и историк экономической мысли.— 93.

Орлов, Михаил Федорович (1788—1842) — декабрист, русский

публицист и экономист.— 12, 216.

Оуэн (Owen), Роберт (1771— 1858) — английский социалист-утопист.— 4, 242, 294, 324, 351—362, 364—365.

Перейра (Pereire), Исаак (1806—1880) — французский банкир.— 114—116.

Пестель, Павел Иванович (1793—1826)—декабрист, автор ряда политических и экономических сочинений.— 12, 216, 217.

Петр I — русский царь и император в 1682—1725 гг.—37, 99, 123.

Петти (Petty), Уильям (1623— 1687) — английский экономист и статистик, родоначальник классической буржуазной политической экономии в Англии.— 4, 5, 10, 27, 38, 44, 52—81, 86, 92, 95—96, 98, 118, 130—131, 133, 135, 153, 162, 197, 284; о деньгах.— 80—81; и подсчеты национального дохода.— 73—74; и политическая арифметика.— 67, 69—74; и проблема прибавочной стоимости.— 64, 67; о разделении труда.— 75; и теория стоимости.— 64—66; об экономических законах.— 74—75.

Писарро (Pizarro), Франсиско (ок. 1471—1541) — испанский конкистадор, завоеватель Перу.— 100.

Питт (Pitt), Уильям Младший (1759—1806) — английский государственный деятель.— 193.

Платон (ок. 427 — ок. 347 до н. э.) — древнегреческий философ, автор социально-экономических сочинений.—16, 18.

Полянский, Федор Яковлевич (р. 1907) — советский историк народного хозяйства и экономической мысли.— 20, 23, 282.

Помпадур (Pompadour), Жанна Пуассон (1721—1764) — фаворитка французского короля Людовика XV.—143, 145.

Поншартрен (Pontchartrain), Луи Фелипп (1643—1727)— французский государственный деятель.— 84, 89.

Посошков, Иван Тихонович (1652—1726) — русский публицист, по своим экономическим взглядам — представитель меркантилизма.—12.

Прудон (Proudhon), Пьер Жозеф (1809—1865) — французский публицист, философ и экономист, представитель мелкобуржуазного социализма.— 97, 124.

Пуассон (Poisson), Симеон Де-ни (1781—1840) — французский математик.— 316.

Пушкин, Александр Сергеевич (1799—1837) —русский поэт. — 11, 291.

Радищев, Александр Николаевич (1749—1802) — русский писатель, революционный просветитель, автор ряда экономических сочинений.— 12.

Рикардо (Ricardo), Давид (1772—1823) — крупнейший представитель английской классической буржуазной политической экономии.— 4, 5, 7, 11, 31, 38, 53, 55, 67, 96, 123, 138, 150, 205, 213—215, 219—259, 272, 278—279, 281— 286, 307—308, 316, 355, 357, 359, 362—363; и Курно.— 245—246; и Ло.— 115—116; и Мальтус.— 226, 231—232, 266, 270—271; и международная торговля.— 230—236; и проблема кризисов.— 249—250, 270—271, 312, 314; и проблема прибавочной стоимости.—245—248, 366; и Сисмонди.—239, 291, 294—296; и Смит.—173, 184, 199—200, 204, 226, 241-244, 254; и Сэй.—238—239, 249; и теория денег.— 227—230; и теория земельной ренты.— 248; и теория прибыли.— 247; и теория стоимости.— 229, 232, 234, 237-245, 357; и Тюрго.— 165.

Робертсон (Robertson), Уильям (1721—1793)—британский историк (шотландец).— 176.

Родриг (Rodrigues), Бенжамен Олинд (1794—1851) — французский социалист-утопист, последователь Сен-Симона.— 332.

Розенберг, Давид Иохелевич (1879—1950) — советский экономист и историк экономической мысли.—15, 17, 153, 282, 337.

Румянцев, Алексей Матвеевич (р. 1905) — советский экономист и социолог.— 8.

Руссо (Rousseau), Жан Жак (1712—1778) — французский философ и писатель.—176, 289.

Самуэльсон (Samuelson), Поль Энтони (р. 1915) — американский буржуазный экономист.—30—33, 125, 284, 313.

Свифт (Swift), Джонатан (1667—1745) — английский писатель-сатирик.— 11, 127.

Селигмен (Seligman), Бен (р. 1912) — американский экономист и историк экономической мысли буржуазно-реформистского направления.— 32.

Сениор (Senior), Нассау Уильям (1790—1864) — английский экономист, автор буржуазно-апологетической теории прибыли.— 275, 282, 286.

Сен-Симон (Saint-Simon), Анри Клод де Рувруа (1760— 1825) — французский социалист-утопист.— 4, 91, 324— 335, 340, 342, 346, 351, 357, 359, 365.

Сен-Симон (Saint-Simon), Луи де Рувруа (1675—1755) — французский политический деятель, автор мемуаров.— 91, 101, 105.

Сервантес (Cervantes), Мигель де Сааведра (1547—1616) — испанский писатель.— 159.

Серра (Serra), Антонио (XVI— XVII вв.) — итальянский экономист —меркантилист.— 42.

Сисмонди (Sismondi), Жан Шарль Леонар Симонд (1773—1842) — швейцарский и французский экономист и историк, критик капитализма с мелкобуржуазных позиций, представитель «экономического романтизма».— 4, 83, 154, 201, 214, 237, 239, 251, 271, 288—301, 312, 314, 342.

Смит (Smith), Адам (1723— 1790) —британский (шотландский) экономист и философ, крупнейший представитель классической буржуазной политической экономии в Англии.— 4, 5, 11. 12, 19, 25, 29, 31, 35, 38. 42. 44, 46, 53, 55, 63, 118. 123. 129— 133, 136—137, 172—220, 226, 230, 232, 237—245. 252, 255, 259—262. 281, 283—285, 292, 296, 305. 307—309, 316, 357, 362, 364; и «догма Смита».— 297—298; и концепция «экономического человека».— 185—192; и Ло.—115—116; о Мандевиле,— 126; и меркантилизм.—44, 182, 184, 187, 194, 198; и предмет политической экономии.— 200—201; и проблема прибавочной стоимости,— 198, 209—211: и разделение труда.— 75, 182, 201—204; и теория воспроизводства.— 271; и теория денег.— 203—204; и теория капитала.— 211—213; и теория прибыли.— 211; и теория стоимости.— 198, 204—208; и Тюрго.—159, 161, 177, 196; и физиократы.— 146, 148—150, 154, 182—185; и экономические законы.— 188—189, 200; об экономической свободе.— 182, 188, 192—195.

Сократ (ок. 469—ок. 399 до н. э.) — древнегреческий философ.— 146.

Спиноза (Spinoza), Бенедикт (Барух) (1632—1677) — голландский философ.— 223.

Сталь (Stael), Анна Луиза (1766—1817) — французская писательница.— 291—294.

Стефенсон (Stephenson), Джордж (1781—1848)—английский инженер и изобретатель.— 221.

Страусс (Strauss), Эмиль — современный английский публицист, автор

биографии Петти.—54, 57, 79.

Стрэчи (Strachey), Джон (1901—1963) — английский политический деятель (лейборист), автор ряда социально-экономических сочинений.—7.

Стюарт (Stewart), Дагалд (1753—1828) — британский (шотландский) философ и экономист, биограф Смита.— 130, 218.

Стюарт (Steuart), Джемс (1712—1780) — британский (шотландский) экономист, один из последних представителей меркантилизма,—53, 130, 176, 197, 237.

Стюарт (Stewart), Мария — шотландская королева в 1560—1567 гг.—40, 87, 174, 176.

Сэй (Say), Жан Батист (1767— 1832) — французский экономист, автор буржуазно-апологетических концепций стоимости и доходов.—11, 94, 150, 154, 158, 182, 201, 208, 214, 237—239, 245, 249, 253, 257, 274, 282, 283, 286, 289, 292, 302—314, 316, 332, 334, 343.

Такер (Tucker), Джозая (1712—1799) — английский экономист, предшественник А. Смита.— 130, 133.

Талейран (Talleyrand), Шарль Морис Перигор (1754— 1838) — французский политический деятель.— 171.

Темпл (Temple), Уильям (XVIII в.) — английский публицист по экономическим взглядам, один из предшественников А. Смита.— 133.

Тинберген (Tinbergen), Ян (р. 1903) — голландский буржуазный экономист.— 312.

Токвиль (Tocqueville), Алексис (1805—1859) — французский историк, публицист и политический деятель.— 142.

Толстой, Лев Николаевич (1828—1910) — русский писатель.— 76, 161.

Томпсон (Thompson), Уильям (ок. 1785—1833) — английский экономист, социалист-утопист.— 362.

Торренс (Torrens), Роберт (1780—1864) — английский экономист и публицист.— 251.

Треvelyан (Trevelyan), Джордж Маколей (1876—1962) — английский историк.—119.

Тургенев, Николай Иванович (1789—1871) — декабрист, русский публицист, экономист.— 12, 216—217.

Тюнен (Thünen), Иоганн Генрих (1783—1850) — немецкий экономист, один из родоначальников математических методов в экономике.— 320—321.

Турго (Turgot), Анн Робер Жак (1727—1781) — французский государственный деятель, философ и экономист, примыкал к физиократии.—11, 93, 115, 116, 130, 138, 141—142, 149, 152, 154, 158—171, 172, 177, 182—183, 196, 197, 199, 212, 237.

Уатт (Watt), Джемс (1736— 1819) — британский инженер и изобретатель (шотландец).— 120, 175, 220.

Фенелон (Fenelon), Франсуа де Салиньяк (1651—1715) — французский писатель.— 84.

Фергюсон (Ferguson), Адам (1723—1818) — британский (шотландский) философ, историк и экономист.— 176.

Филипп II Македонский — царь Македонии в 359— 336 гг. до н. э.— 17—18, 42— 43.

Филипп Орлеанский (Philippe d'Orleans) (1674—1723) — французский государственный деятель, в 1715— 1723 гг.— регент Франции.— 104, 106, 108, 111, 113, 114.

Флеминг (Fleming), Александр (1881—1955) — английский биолог.— 173.

Франклин (Franklin), Бенджамен (1706—1790) — американский политический деятель (буржуазный демократ), физик, философ и экономист.—10, 135, 159, 170, 183, 186.

Фрумкин, Абрам Борисович — советский экономист.— 234.

Фурье (Fourier), Шарль (1772—1837) — французский социалист-утопист.— 4, 324, 335—352, 357, 359—360, 365.

Хантер (Hunter), Уильям (1718—1783) — британский врач и физиолог.— 176.

Харрис (Harris), Джозеф (1702—1764) — английский экономист, предшественник А. Смита в классической буржуазной политической экономии.— 133.

Харли (Harley), Роберт (1661—1724) — английский государственный деятель.— 122.

Хаттон (или Геттон) (Hutton), Джемс (1726—1797) — британский (шотландский) геолог и агроном.— 176, 218.

Хейльбронер (Heilbroner), Роберт — современный американский буржуазный экономист, историк экономической мысли.— 9.

Хекшер (Heckscher), Эли (1879—1952) — шведский историк народного хозяйства и экономической мысли.— 48— 49.

Чернышевский, Николай Гаврилович (1828—1889) — русский революционный демократ, писатель, философ, экономист, критик буржуазной политической экономии.—12; 158, 161, 280—282.

Шамильяр (Chamillard), Мишель (1651—1721) — французский государственный деятель.—84, 89—92.

Шекспир (Shakespeare), Уильям (1564—1616) — английский драматург и поэт.— 52.

Штольберг (Stollberg), Рудхард — немецкий (ГДР) экономист-марксист, историк экономической мысли.— 235.

Шумпетер (Schumpeter), Йозеф Алоиз (1883—1950) — австрийский буржуазный экономист и историк экономической мысли.— 16, 55, 94, 150, 204, 272, 282, 310.

Эджуорт (Edgeworth), Мария (1767—1849) — английская писательница, автор записок о Рикардо.—231, 261.

Эйнштейн (Einstein), Альберт (1879—1955) — немецкий физик, создатель теории относительности.— 156.

Энгельс (Engels), Фридрих (1820—1895): о буржуазных экономистах.— 8; и классическая буржуазная политическая экономия.—12, 155, 258; о Мальтусе.—266; о Марксе.—82, 156; об Оуэне.—351—352, 357, 359; и промышленная революция.—221—222; о Просвещении.— 140; о Сен-Симоне.— 327, 335; о Сисмонди.— 294; об утопическом социализме.—324, 335—336, 345—346, 350, 359, 362; о Франции.— 304; о Фурье.— 335—336, 341, 343—344.

Юм (Hume), Давид (1711— 1776) — британский (шотландский) философ, историк, экономист.—118, 130, 136— 139, 172, 176, 181, 186, 196, 229.

Аникин А. В.

А67 Юность науки. Жизнь и идеи мыслителей-экономистов до Маркса. М., Политиздат, 1971.— 382 с.

Автор книги, доктор экономических наук, в форме занимательных рассказов рисует живые портреты крупнейших предшественников Маркса в политической экономии. Перед читателем проходит целая плеяда ученых прошлого — Буагильбер, Петти, Кенэ, Смит, Рикардо, Сен-Симон, Фурье, Оуэн и ряд других выдающихся мыслителей, учение которых сыграло важную роль в становлении марксизма. Идеи их раскрываются в тесной связи с особенностями эпохи, в которой они жили и творили. Автор показывает, что некоторые мысли этих ученых сохранили свое значение вплоть до наших дней. Книга рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся политической экономией и ее историей.

33.049